

Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum

Piliscsaba 9-14. VIII. 2010

Pars I

Orationes plenariae

Piliscsaba, 2010

Redegunt

Sándor Csúcs
Nóra Falk
Viktória Püspök
Viktória Tóth
Gábor Zaicz

Borító: Kemény Márton
Fotók: www.btk.ppke.hu

ISBN 978-963-88954-0-0 Ö
ISBN 978-963-88954-1-7 (Pars I)

© Reguly Társaság 2010

ПЕРМСКИЕ НАРОДЫ В ЭПОХУ ЖЕЛЕЗА (ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ)

Реконструкция этнических процессов в древности не может быть реализована на основании данных какой-либо одной науки, так как возможности каждой из них ограничены, что обусловлено спецификой источников, которыми они оперируют. Ранние этапы истории человеческого общества реконструируются преимущественно на основе археологических источников. Традиционно археологи основываются на ретроспективном методе, суть которого заключается в выстраивании генетически связанной между собой цепочки археологических культур от достоверно этнически определяемых (упоминаемых в письменных источниках) к предшествующим, что, соответственно, предполагает генетическое родство их носителей. Практически аналогичная цепочка выстраивается при исследовании этнических процессов лингвистами. Однако, лингвистика не может методами собственной науки датировать те или иные языковые процессы. Она вынуждена обращаться к данным археологии или истории. Исключительно важными являются антропологические источники, что «обусловлено наследственным характером изучаемых признаков, которые теснее связаны со своими носителями, чем языковые и культурные особенности. Кроме того, темпы биологической эволюции обычно ниже темпов культурных и языковых изменений, что делает антропологические данные очень важными в плане ретроспективного анализа» (Моисеев 1999: 3). Общеизвестно, что темпы развития языка, материальной культуры и антропологического типа их носителей различны и не всегда совпадают во

времени. Более того, генетическая и культурная преемственность не обязательно свидетельствуют о языковой преемственности.

Пермские языки входят в уральскую языковую семью, представленную двумя ветвями – финно-угорской и самодийской. Финно-угорская ветвь в свою очередь делится на угорскую, к которой относятся венгерский, мансийский и хантыйский языки, и финно-пермскую ветвь, представленную пермскими языками (коми и удмуртским), марийским и мордовским (волжские языки), прибалтийско-финской языковой группой и саамским языком. Самодийская ветвь подразделяется на северную (ненецкий, энецкий и нганасанский языки) и южную (селькупский язык).

К пермским народам относятся удмурты, коми-зыряне и коми-пермяки. По этимологии названия «пермь» в литературе существуют различные точки зрения. Известно, что впервые оно появляется на страницах «Повести временных лет» и относится к одному из народов, платящих дань Руси. Наиболее убедительной представляется этимология этого термина, данная А.М.Шегреном и поддержанная Д.В.Бубрихом, согласно которой этноним «пермь» происходит от вепсского *Perä maä* (Перя маа) – «задняя земля, земля за рубежом». Пермь не является самоназванием народа коми. Наиболее вероятно, что этот географический термин («задняя земля, земля за рубежом») был перенесен русскими колонистами на финно-угорские народы, обитавшие в бассейне Северной Двины, в том числе – Вычегды. По письменным источникам в числе земель Новгородской земли упоминаются Колопермь (Кольская Пермь), Трепермь (Терпермь), также локализуемая на Кольском полуострове, а затем Пермь, Югра и Печера. В дальнейшем на страницах русских источников появляются новые территории, называемые Пермью: Пермь Старая (в районе Вычегды и Выми), к юго-востоку от нее – Чусовская или Великая Пермь, Малая Пермь, Серебряная Пермь и др.

Этноним зыряне впервые появляется в «Житии Стефана Пермского», написанном в конце XIV в. Епифанием Премудрым, под именем сырьяне. Существует множество этимологий этого слова (Хайду 1985: 57 и сл.). Заслуживает внимания этимология, выдвинутая академиком А.Шегреном, поддержанная и обоснованная А.К.Матвеевым (Матвеев 1984). Они сопоставляют название зыряне с прибалтийско-финским словом сюрья, что означает в переводе «край, сторона». Таким образом, и зыряне, и пермя являются географическими терминами прибалтийско-финского происхождения, перенесенными русскими на народ или народы. Эндонимом народа является коми. Он возводится к прауральскому «комс», что означает человек, мужчина.

По проблеме формирования пермских финнов в литературе существуют различные точки зрения. Еще в XIX – начале XX в. Ф.А.Теплоуховым (Теплоухов 1893: 74) и А.Ф.Теплоуховым (Теплоухов, 1924) была высказана гипотеза о формировании предков пермских финнов западнее и юго-западнее территории их современного обитания, которую в древности заселяли угорские племена. По мнению А.Ф.Теплоухова, предки пермских финнов с территории своего формирования (к югу от Верхней Камы, Верхней Вычегды и Чепцы) переселяются на Вычегду, а после VIII в. н.э. с Вычегды - в бассейн Камы, заселенной в то время уграми.

Гипотеза о переселении предков коми-зырян из Верхнего Прикамья на территорию их современного обитания была сформулирована в конце XIX в. финским ученым Ю.Вихманом. Согласно ей общепермская языковая общность существовала до VIII в.н. Эта дата основана на том, что в VIII в. в Среднее Поволжье проникают тюркоязычные болгары, создавшие в X в. мощное государство – Волжскую Болгарию. В прапермском языке сохранилось 20 болгарских заимствований. Исходя из того, что в удмуртском языке их насчитывается 150, а в коми-зырянском – 20, исследователь

полагал, что после VIII в.н.э. предки коми переселяются на север, что привело к распаду общепермской общности на пракоми и праудмуртскую.

Эта концепция получила дальнейшее развитие в работах В.И.Лыткина. По его мнению, носители общепермского языка-основы обособились от остальных финно-угров примерно в I тыс. до н.э. и жили длительное время, представляя известное единство, где-то в бассейне Нижней Камы и ее притока Вятки, в непосредственной близости со скифо-сарматами, а с VI-VII вв. н.э. – с волжскими болгарами. Не ранее VIII-IX вв. в связи с движением коми на север общепермский язык распался на удмуртский и коми, а еще позднее, после XIV в. на базе единого коми языка сложились коми-пермяцкий и коми-зырянский языки (Лыткин 1953: 53-54 и сл.). Эта гипотеза без каких-либо корректив до недавнего времени являлась практически единственной в историческом языкознании.

Новая гипотеза этногенеза пермских финнов на основе данных языкознания в начале 90-х гг. прошлого столетия разработана удмуртским лингвистом Р.Ш.Насибуллиным (1992: 81-95). Он видит причину распада прапермской общности «в неравномерном развитии отдельных диалектов и звеньев общепермского языка-основы в течение всего общепермского периода». Исследователь отвергает гипотезу о позднем переселении коми на север, полагая, что болгаризмы в коми язык могли попасть в результате торговых связей, а также через посредство удмуртов уже в то время, когда коми жили в бассейне Вычегды. Одну из причин незначительного количества тюркских слов в коми-зырянском языке он объясняет тем, что коми, в отличие от удмуртов, раньше вошли в сферу древнерусского культурного влияния, и «с конца XI - начала XII вв. свободные клетки коми языка стали заполняться русскими словами». В соответствии с современными воззрениями на лингвистические процессы в древности, Р.Ш.Насибуллин представляет прапермскую языковую общность в виде

непрерывной цепочки диалектов, которая была разорвана лишь в XV-XVII вв. в процессе русской колонизации Вятского края, когда возник широкий, заселенный русскими коридор между удмуртами и коми.

Основные концептуальные положения гипотезы Р.Ш.Насибуллина частично повторены историком С.К.Белых, который вслед за А.Х.Халиковым общепермской считает гляденовскую культуру и также как А.Х.Халиков относит время распада прапермской общности к значительно более позднему времени, а именно после VIII в.н.э. – сер. II тыс. н.э. Разница заключается в том, что А.Х.Халиков считал пермскими ананьинскую, гляденовскую, ванвиздинскую и вымскую культуры, а ломоватовскую и родановскую – угорскими, в то время как С.К.Белых - с прапермской общностью сопоставляет гляденовскую, ломоватовскую и неволинскую культуры. В конечном итоге С.К.Белых повторяет гипотезу Ю.Вихмана, согласно которой в VIII-IX вв. «часть эндопермян переселяется в бассейн р.Вычегды и некоторые сопредельные районы, чтобы в дальнейшем стать коми-зырянами» (Белых 2009).

Генетическую преемственность материальной культуры населения Прикамья на протяжении эпохи средневековья на основе археологических источников обосновал М.В.Талицкий (1941). По его мнению, общность населения Верхнего Прикамья и Вычегодского бассейна сформировалась не позднее X-XII вв., хотя не исключает возникновение отдельных элементов коми языка и культуры в глубокой древности. С другой стороны, М.В.Талицкий даже на очень немногочисленном в то время материале не подвергает сомнению своеобразие двух групп памятников X – XIII вв. – вычегодской и камской.

В.А.Оборин в одной из ранних работ по истории Прикамья (Бадер, Оборин 1958) на основе сходства керамики Тохтинского поселения с ломоватовской, считал, что в I тыс. н.э. произошло переселение части

ломоватовских племен из Прикамья на Вычегду, где жили племена, оставившие памятники типа Ванвиздинской стоянки, предположительно оставленные вепсами, которые были ассимилированы пришельцами.

Антропологические исследования коми-зырян проводились Н.Н.Чебоксаровым, К.Ю.Марк, Г.А.Аксяновой, В.И.Хартановичем, В.Г.Моисеевым и др. Н.Н.Чебоксаров выделяет среди коми три типа: беломорский, вятско-камский и восточнобалтийский (Чебоксаров 1946). Сопоставляя антропологические материалы с археологическими, Н.Н.Чебоксаров не исключает их древнюю общую ананьинско-пьяноборскую основу. Близость вычегодской и камской групп памятников эпохи средневековья исследователь объясняет мощным культурным влиянием, распространявшимся на север из Прикамья, не сопровождавшимся крупными передвижениями населения.

Основные идеи концепции Н.Н.Чебоксарова нашли подтверждение в новейших исследованиях антропологов. Как отмечает В.Г.Моисеев, коми-зыряне среди европейских народов входят в группу наиболее европеоидных, к которым также относятся эстонцы, финны и мордва - мокша (Моисеев 1999: 43, 45, 52). По мнению В.Г.Моисеева, у коми-зырян отсутствует существенный уральский антропологический субстрат наряду с южными удмуртами, эстонцами и карелами (Моисеев 1999: 60). К этим же выводам пришел В.И.Хартанович на основании анализа данных краниометрии (Хартанович 1991). По мнению К.Марк южные коми (коми-пермяки) относятся к сублапоноидному типу уральской, или урало-лапоноидной расы, северные – к европеоидному с небольшой примесью монголоидности, большинство - к светлому сублапоноидному (вычегодскому) типу уральской расы (Марк 2000: 157).

Г.А.Аксянова также отмечает близость коми-зырян в целом, но особенно нижневыхогодцев и сысьольцев, к западным финнам (вепсам и

карелам). Коми занимают промежуточное положение между удмуртами+марийцами и вепсами+ карелами при чуть большем единстве с восточнофинскими народами (Аксянова, Аксянов 2000: 187).

Важное место в этногенетических построениях занимают данные топонимики. Существенный вклад в изучение субстратной топонимики Русского Севера внес А.К.Матвеев. Он был и остается приверженцем финского происхождения субстратной топонимики Европейского Севера (Матвеев 2001; 2004). Распространенные на территории Республики Коми топонимы - им, - ым, - еньга, -анга,- онга, - юг, - уг, -, - уга, - юга, которые Б.А.Серебрянников сопоставляет с уграми (Серебрянников 1966), по мнению А.К.Матвеева имеют финское происхождение. По данным А.К.Матвеева, названия на – юг, - уг образуют «четкий и плотный ареал» в бассейне р.Юг (Вологодская область), а также на смежных территориях Костромской и Кировской областей (верховья Моломы и бассейн нижнего течения Лузы), а также встречаются в Архангельской области и юго-западе Республики Коми. Они зафиксированы и в бассейнах Онеги и Шексны, Костромской и Нижегородской областях и в Прикамье. Гидронимы на – юга, - уга распространены на всем Русском Севере к востоку от Онеги и Кубенского озера. Между ареалами юга - уга и юг, - уг проходит четкая граница от устья р. Сухоны к верховьям Костромы, т.е. чуть южнее Сухоны, которая, видимо, и служила в древности своего рода рубежом, разделяющим родственные, но различные этносы. По мнению А.К.Матвеева, эти гидронимы восходят к финскому источнику, точное определение которого не представляется возможным. В качестве предполагаемых источников называются волжско-финские (мерянский) или пермские (коми-зырянский) языки (Матвеев 2001, ч.1: 254, 255). Названия на – еньга фиксируются на территории Архангельской и Вологодской областей, исключая Белозерский край, а также Костромской и Кировской областей. Формант - еньга, по

мнению исследователя, – географический термин-детерминант со значением «река». Исходя из предположения о существовании на Русском Севере в прошлом севернофинских языков, занимающих промежуточное положение между прибалтийско-финско-саамскими и волжско-финскими, и наибольшей близости детерминанту – еньга в марийском языке, А.К.Матвеев полагает, что гидронимы на – еньга оставлены севернофинским этносом, предположительно, заволочской чудью (Матвеев 2001: 273). На территории Республики Коми они зафиксированы в верховьях Мезени, на Нижней Вычегде, Лузе и Летке (Матвеев 1960: 109, 103).

Первое комплексное исследование, посвященное формированию народности коми, проведено Л.П.Лашуком. На основе всех имеющихся в то время источников прослеживается этническая история коми-зырян с древности до завершения процесса оформления народности, которое он относит к XVIII в. (Лашук 1972). Автор, вслед за другими исследователями, прежде всего, лингвистами, считает прародиной коми-зырян Верхнее Прикамье, но приходит к выводу, что общепермское единство распалось раньше VIII-IX вв., так как уже в первой половине I тыс. н.э. существовали этнические различия между верхнекамской (древней коми) и среднекамско-чепецкой (древней удмуртской) культурами (Лашук 1972: 19). Он подвергает сомнению заключение Г.М.Бурова о том, что в первой половине I тыс. н.э. между населением бассейнов Камы и Вычегды намечается расхождение в культуре за счет нарастания в Вычегодском крае этнокультурного воздействия угорского Зауралья (Лашук 1972: 29). По мнению Л.П.Лашука, оно прослеживается, начиная с раннего железного века, на прилегающих к Зауралью территориях – верхней Вычегде, верхней и средней Печоре. Ничто, по мнению исследователя, "достоверно не свидетельствует о распространении зауральских или печорско-вычегодских угров до нижневычегодского рубежа" (Лашук 1972: 27).

По мнению А.Х.Халикова, до XV-XVI вв. территория обитания пермских финнов располагалась в междуречье Вятки и Вычегды, севернее и северо-западнее, где исследованы памятники вымской культуры перми вычегодской, которую он связывает с предками коми и удмуртов (Халиков 1985: 8). Прапермской он считает гляденовскую культуру. По его мнению, прапермское единство сохранялось около 1,5 тыс. лет – с III в. до н.э. до IX вв. н.э.

Проблема происхождения народа коми на основе археологических источников с привлечением данных письменных источников, антропологии, этнографии и языкознания рассматривалась в монографии Э.А.Савельевой (1971). Центральное место в работе занимает выделенная автором вымская культура перми вычегодской, бесспорно принадлежащая древним коми-зырянам, генезис которой является важной составной частью в исследовании этногенеза народа коми. Автором была предпринята попытка объяснить противоречия между имеющимися в то время данными археологии, антропологии и лингвистики в миграционной концепции этногенеза коми-зырян. В монографии была сформулирована и обоснована концепция о формировании культуры перми вычегодской на основе предшествующей субстратной пермской ванвиздинской при участии западных (прибалтийско-финских) племен и населения, близкого волжским финнам. Концепция о формировании вымской культуры на основе ванвиздинской, а не путем переселения родановцев в бассейн Вычегды, была поддержана В.А.Обориным (Оборин 1969: 165).

Ананьинская историко-культурная общность.

Истоки всех пермских народов восходят к ананьинской историко-культурной общности, ареал которой включает обширную территорию от бассейнов Вычегды, Печоры и Мезени до верхнего и среднего Прикамья и бассейна Вятки. Согласно современным научным представлениям, она

сформировалась на базе ряда культур бронзового века – приказанской, ерзовской, луговской, лебяжской и др. Это положение согласуется с новыми концепциями развития праязыковых общностей в древности. В настоящее время они рассматриваются как обширные массивы родственных языков и диалектов, связанных друг с другом многообразными ареально-генетическими связями (Хелимский 1982: 24-25). Эту идею применительно к пермской праязыковой общности развивает известный эстонский лингвист Ану-Реэт Хаузенберг. По ее мнению, в позднем прапермском праязыке и даже раньше уже были диалекты. Она обращает внимание на общие черты удорского диалекта коми-зырянского и прибалтийско-финских языков, среди которых выделяет ранние, а также появившиеся в результате конвергентного развития, которые подпитывались продолжающимися контактами между соседними народами (Хаузенберг 2002: 307). Она предполагает, что существующие ныне изоглосы восходят к более древним эпохам, чем считают сегодня лингвисты (Хаузенберг 2002: 308). Также как многие другие исследователи, в частности, Р.Насибуллин, Ану-Реэт Хаузенберг полагает, что концепция Ю.Вихмана «в наши дни уже не выглядит убедительной» (Хаузенберг 2002: 303). Как отмечает исследовательница «период прапермского праязыка не имеет ни четко определенного начала, ни четко установленного конца. Логичнее говорить о более старых и более поздних общих чертах, более или менее распространенных инновациях и их возможных источниках, но не о туманном праязыке» (Хаузенберг 2002: 308). Исследовательница считает, что пермские племена разошлись существенно раньше, чем конец I тыс. н.э. На основе анализа лексики и грамматики коми языка она приходит к выводу, что контакты прибалтийско-финских и коми языков продолжались от прадиалектов до современных языков, поскольку значительная часть сходств прибалтийско-финских и коми языков отсутствует в удмуртском. В качестве одного из аргументов в пользу этого

предположения она приводит факт отдельного развития примитивной земледельческой лексики в удмуртском и коми языках, особенно в коми диалектах. По мнению исследовательницы, прапермский язык был представлен различными диалектами в то время, когда в Волго-Камье появилось земледелие (III тыс. до н.э.) и, следовательно, ранние контакты коми и прибалтийских финнов относятся ко времени существования соответствующих прадиалектов.

Концепция А.-Р.Хаузенберг находится в полном соответствии с данными археологии, согласно которым генетические предки пермских этносов (ананьинцы) на ЕСВ появляются не позже I тыс. до н.э. Вероятно, к этому времени относятся их первые контакты с носителями праприбалтийско-финских диалектов. Северный (вычегодско-печорский вариант) ананьинской историко-культурной общности представлен четырьмя культурными типами: Ласта, Перный, Ямашор и Чаркабож (Канивец, 1974). Основой всех этих культурных типов является лебяжская культура, осложненная прикамским и зауральским компонентами. В культурном типе Ласта прослеживается зауральское и прикамское влияние, типе Перный – прикамское, связанное с проникновением на Север родственных ананьинских племен из Прикамья. В культурных типах Чаркабож и Ямашор фиксируются контакты зауральского и ананьинского населения и последующее смешение традиций (Ашихмина, Васкул 1997:333). Около VI до н.э. ананьинское население продвигается на северо-запад, смешивается с племенами дяковской культуры, что приводит к формированию каргопольской культуры середины I тыс. до н.э.

В Прикамье выделены: нижнекамский, среднекамский, бельский, вятский, верхнекамский локальные варианты ананьинской общности. В VI в. до н.э. нижнекамская группа ананьинской общности прекратила

существование и юго-западная граница пермского объединения сместилась по р.Каме примерно до устья р.Ик.

В раннем железном веке завершилось проникновение на северо-запад Восточной Европы носителей финских языков из районов Поволжья (Напольских 1997: 196-197). Сдвиг этнических границ на северо-запад был обусловлен ухудшением природно-климатических условий: похолоданием и увлажнением и связанным с этим кризисом скотоводческого хозяйства населения лесостепных территорий; активным и постоянным функционированием приуральского металлургического очага, большей приспособляемостью населения лесной зоны к изменившимся условиям. Все это обеспечило на рубеже II и I тыс. до н.э. превосходство в экономическом и этносоциальном «соревновании» племен и языков населения Приуралья, что привело в конечном счете к победе на севере европейской части России, севере восточной Прибалтики и Фенноскандии финских языков (Напольских 1997: 196-197).

В III в. до н.э. финно-пермский массив разделился на две части, северную – предков коми-пермяков и коми-зырян и южную – удмуртов. Это зафиксировано на археологическом материале, когда в III в. до н.э. в верхнем Прикамье, на Печоре, Вычегде и Мезени сложилась гляденовская (пракоми), в среднем Прикамье, низовьях р.Белой, на Вятке – пьяноборская общность (праудмурты).

Гляденовская историко-культурная общность (III в. до н.э. – конец IV, V в.н.э.)

Памятники гляденовской историко-культурной общности открыты и исследованы в верхнем и среднем Прикамье, в бассейнах Вычегды, Печоры и Мезени.

В Прикамье известно более 200 памятников гляденовского времени. Основная их масса сосредоточена на Каме и ее притоках от устья р.Обвы до

устья р.Очер. В свое время Ю.А.Поляков для 104 памятников гляденовского типа выделял 8 локальных групп (Поляков 1967: 202-203). Со значительным увеличением числа памятников появилась возможность более четко обозначить как границы культуры, так и ее локальные варианты. В гляденовское время шло интенсивное освоение новых северных и восточных регионов – гаринского, сылвенского, усть-чусовского. Почти в два раза увеличилось число гляденовских памятников в пермском Прикамье. Были плотно заселены мелкие притоки на правом берегу р.Камы: Очер, Нытва. Вероятно, из территории гляденовской общности следует исключить две южные группы: осинскую и частинскую, так как по особенностям материальной культуры они более тяготеют к пьяноборской общности (Голдина 1999: 247-254). Основная масса прикамских памятников представлена селищами, наряду с которыми открыты городища. Они имели значительные площади (до 12 тыс. кв.м), укреплены в раннее время одним валом, в позднее – несколькими. Гляденовские жилища – наземные срубные постройки площадью до 100 кв.м, с тамбуром, одним - двумя очагами на глинистой или галечниковой основе, а также одной - двумя хозяйственными ямами.

Остается спорным вопрос о гляденовских могильниках. В.Ф.Генинг и В.А.Оборин считали характерным для гляденовцев обряд трупосожжения, остатки которого зафиксированы на костяках. Ю.А.Поляков относил к гляденовской культуре могильники Городок и Заосиновский с обрядом трупоположения, где погребенные почти не имели инвентаря (Поляков 1980: 7). На фоне приуральских могильников с большим количеством вещей, как предшествующего (ананьино), так и последующего (ломоватово) времени, эти могильники выглядят несколько необычно. Однако в последнее время пермскими археологами исследованы еще два подобных памятника –

Верхирьякский и Мокинский, датирующихся позднегяденовским временем, с весьма скудным инвентарем (Коренюк, Мельничук 2006: 408-411).

Своеобразными памятниками гяденовской общности являются святилища, больше известные под названием костища. Среди них можно выделить крупные (Гяденовское, Юго-Камское) и малые (Гаревское, Усть-Туйское и др.). В культурном слое этих памятников обнаружено огромное количество как сырых, так и пережженных костей, остатки жертвенников, украшения, антропо- и зооморфные изображения, наконечники стрел, вотивные (миниатюрные копии настоящих) предметы, среднеазиатские монеты. Датировка костищ, как и культуры в целом, укладывается в пределы III в. до н.э. – конец IV-V в. н.э. Гяденовские памятники располагаются на той же территории, что и ананьинские. Иногда слои этих эпох присутствуют на одних объектах, и это дает основание полагать, что гяденовское население генетически связано с ананьинским.

На Европейском Северо-Востоке открыто и исследовано около 70 памятников, которые включены в гяденовскую общность. Они представлены преимущественно поселениями. В отличие от Прикамья на европейском Северо-Востоке, как и в предшествующую эпоху, отсутствуют городища, поселения преимущественно небольшой площади. Жилища также небольших размеров (10-20 кв.м), прямоугольной формы, слегка углубленные в землю, отапливающиеся очагами. Исследованы единичные культовые постройки и погребения. На поселении Пожегдин II исследованы остатки культовой постройки прямоугольной формы площадью 5 кв.м, три погребения на могильнике Джудждыдьяг на средней Вычегде, два – на могильнике Новый Бор на нижней Печоре. Могилы располагаются на возвышенных частях террас. Захоронения совершены по способу трупосожжения на стороне. В неглубоких могилах в засыпи и на дне обнаружены обожженные кости, фрагменты керамики, бусы, бронзовые

зеркала, бляшки, железные нож и поясной крючок, обломки костяных наконечников стрел, культовая фигурка. Культовые остатки выявлены в Адакской I, Канинской и Уньинской пещерах. Они очень скудны и представлены кострищами, обломками наконечников стрел, бронзовых украшений, фрагментами керамики. На святилище Джуджыдыяг на средней Вычегде выявлено несколько рядов кострищ, каменная вымостка, остатки захоронений людей, фрагменты керамики, оселки, железные ножи, бусы, обломки костяных и железных наконечников стрел и другие предметы. Глиняная посуда вычегодско-печорских памятников имела характерные прикамские формы, орнаментирована ямками, оттисками шнура, гребенчатым штампом, ногтевидными и овальными вдавлениями, каннелюрами.

И.О.Васкулом убедительно обоснована, с одной стороны, культурная близость гляденовских древностей европейского Северо-Востока и Прикамья и генетическая преемственность с ананьинскими, с другой, выявлены специфические особенности, отличающие их от прикамских. Выделены две культуры - джуджыдыягская на р.Вычегде и пиджская – в бассейне рр.Печоры и Мезени, в развитии которых определены два этапа: I – конец III-I в. до н.э.; II – I-V вв. н.э. Они сформировались на основе местных культурных типов раннего железного века и не вызывает сомнений их пермско-финская принадлежность, однако выявлен и зауральский компонент, что позволяет предполагать участие в формировании этих культур, особенно пиджской, выходцев из Зауралья (Васкул 1997: 376-382).

Прудмуртская пьяноборская общность (III в. до н.э. - V в. н.э.)

Представлена четырьмя культурами: чегандинской (удмуртское Прикамье, низовья р.Белой и Иж), карабызской (среднее течение р.Белой), худяковской (бассейн Вятки) и красноярской (средняя Кама).

Памятники **чегандинской археологической культуры** расположены по притокам р.Белой от устья р.Куваш до низовий р.Ик, а также по камскому побережью от устья Ика на юге и до устья Малой Сарапулки на севере. На 40 могильниках исследовано более 5000 захоронений. Из них наиболее крупный Тарасовский в Сарапульском районе Удмуртии (1879 могил с 2096 костяками). М.С.Акимовой сформулирован тезис о преемственности антропологических типов Прикамья от ананьинской общности, через пьяноборскую (чегандинскую) к современным финноязычным и отчасти тюркоязычным народам Поволжья и Приуралья (Акимова 1961; 1968). Формирование прикамского морфологического пласта с преобладанием европеоидных черт в основном завершилось в пьяноборскую эпоху - к концу I тыс. до н.э. Чегандинцы - европеоиды с некоторой примесью монголоидности, напоминают по антропологическому облику современных удмуртов. **Караабызская культура** известна по поселениям с мощным культурным слоем и бескурганым могильникам в северо-западной Башкирии. Это население было близко чегандинскому, но испытало воздействие степняков-сарматов (Пшеничнюк 1973).

Материалы, полученные в 70-90-х гг. прошлого века экспедицией Удмуртского университета, показывают, что гипотеза В.Ф.Генинга о запустении бассейна р.Вятки в послеевангелинское время не подтверждается. Комплексы пьяноборского времени выявлены на пяти городищах и четырех могильниках и объединены в **худяковскую культуру** (Голдина 1987: 13-14).

Еще один район, который, вероятно, связан с древнеудмуртским этносом – бассейн р.Тулвы, левого притока р.Камы в ее среднем течении. В 1950 г. в центре г.Осы были выявлены довольно мощные (1,5 м) культурные напластования, раскопки которых показали, что памятник представлял собой городище послеевангелинского времени площадью 40 тыс. кв.м (Генинг 1959а). Автор раскопок Осинского городища, В.Ф.Генинг отстаивал мнение

о выделении в этом районе самостоятельной осинской культуры III в. до н.э. - II в. н.э. (1959а; 1961). Это положение оспаривалось пермскими коллегами, которые полагали, что осинские памятники - локальный, южный вариант гляденовской культуры (Оборин 1961: 56; Поляков 1967: 213-215). В.Ф.Генинг посчитал эти аргументы неубедительными и продолжал настаивать на самостоятельности осинской культуры (1988: 180-200). Нынешнее состояние источников позволяет критически осмыслить материалы, концепции и предложить иную оценку послепалеолитических памятников среднего Прикамья. С открытием новых памятников в бассейне р.Тулвы, в особенности бескурганного Красноярского могильника, стала очевидной близость древностей этого района к пьяноборской общности, в которой они представляли самостоятельный локальный вариант, названный **красноярским** (Голдина 1999: 254). Погребальный обряд и инвентарь Красноярского могильника во многом сходны с чегандинскими и кара-абызскими.

Во второй половине III - IV вв. в Прикамье появилась значительная группа древнеславянского (готославянского?) населения, освоившего устье Камы и прилегающее Поволжье (**именьковская культура**), известного здесь до рубежа VII-VIII вв. Именьковцы оказали влияние на совершенствование у финно-угров железоделательного и бронзолитейного производств. Они разводили новые породы крупного рогатого скота южного происхождения, верблюдов, было популярно овцеводство. Более прогрессивным, нежели у финно-угорского населения, было пашенное земледелие: на поселениях, кроме сошников, встречаются косы-горбуши, серпы, мотыги, лесорубные топоры. Из культур возделывали пшеницу, просо, рожь, овес, полбу, ячмень, горох. Пребывание именьковцев отразилось и в языке пермян. В.В.Напольских нашел в пермских языках заимствования из диалектов позднеславянского и считает возможным

соотносить их носителей с населением именьковской культуры (1996: 197-206).

Именьковцы заселяли Поволжье и Прикамье несколькими волнами. С одной из них (III-IV вв.) связаны памятники лбищенского типа в Поволжье и Азелинский, Суворовский могильники на р.Вятке. Второй поток относится к концу IV-V вв. и представлен курганами Тураевского могильника в Елабужском районе Татарии. Могильник представлял собой серию курганных насыпей, под которыми располагались захоронения преимущественно мужчин-военачальников с богатыми наборами оружия. Мигранты принесли в Прикамье новые виды вооружения – «косы», «топоры», более совершенные мечи, в особенности - защитные боевые средства – шлемы, панцири, кольчуги, щиты, оригинальные украшения. Судя по материалам Тураево, пришлые группы были немногочисленны и, скорее всего, покорив местное население, жили с ними на одних поселениях и хоронили умерших на одних могильниках. Рядом с Тураевскими курганами экспедицией Удмуртского университета открыта и раскопана бескурганная часть (261 могила), датирующаяся IV-V вв. и оставленная местным финно-пермским населением. Вероятно, первоначально взаимоотношения пришлого и местного населения были далеко не мирными. У двух погребенных под курганами были отсечены черепа (погр.1 кургана I и погр.1б кургана VII). В первом случае череп был похоронен в небольшом прикопе к юго-западному углу могилы, во втором – он отсутствует. Зафиксированы и следы грабежа могил. В результате контактов со степняками у финно-пермян начала формироваться и собственная военная дружина. В целом, появление степного и лесостепного населения в Прикамье способствовало прогрессу в социально-экономическом развитии финно-пермского общества.

Изменение карты культур верхнего Прикамья относится к концу IV в., когда в бассейн р.Сылвы внедрилась довольно значительная группа саргатского населения. Здесь возникла неволинская культура, соединяющая в себе черты как пришлого (саргатцы), так и местного (гляденовского) населения. Уже частично смешанное население (курганый обряд еще сохранился, но керамика и украшения уже несут явные следы воздействия гляденовского населения) оставило в северном Прикамье три группы курганов: первую – севернее Перми (Полуденка, Беклемишево, Бурково), вторую – на севере Прикамья (Харино, Пыштайн, Бурдаково, Агафоново), третью – на р.Лолог, притоке р.Косы, левом притоке р.Камы (Митино, Пеклаыб I, II, Чазево I, II, Бельково) (Генинг, Голдина 1973). Движение осуществлялось вверх по р.Каме. Вероятно, именно с этим вторжением связано исчезновение гляденовских памятников в среднем Прикамье и активное освоение гляденцами верхней Камы. Не случайно, на позднегляденовских городищах почти везде были сооружены дополнительные линии обороны.

К концу V в. харинско-гляденовское население (ломоватовская культура) достигло верховьев р.Камы (Аверино) (Голдина, Кананин 1989: рис.67), а также верховьев р.Чепцы (Полом, Варни) (Голдина 1995: рис.3), еще сохранив в некоторых случаях традиции сооружать небольшие насыпи, окруженные канавками, и инвентарь с ярко выраженным трансформированным харинским обликом. К концу V в. относится появление курганов еще севернее – на территории современной Республики Коми (Весляна I, Борганъель, Ювана-яг, Шойна-яг). Здесь выделяются три локальных района размещения пришельцев: верховья Выми (Весляна I), бассейны Нившеры (Борганъель и Ювана-яг) и Сысолы (Шойна-яг). В.А.Обориным (1969) обозначены три возможных пути движения на

Вычегду: 1) по р.Колве и ее притокам; 2) по Южной Кельтме на Северную Кельтму, приток р.Вычегды; 3) по р.Весляне на р.Вочь и на р.Вычегду.

В верхнем Прикамье в конце IV-IX вв. развивались три культуры, которые имеют непосредственное отношение к предкам коми-пермяцкого народа: ломоватовская, неволинская, полонская.

Ломоватовская культура (к. IV – IX вв.) занимала бассейн р.Камы от широты современного г.Перми до ее верховьев. Сейчас известно около 450 памятников этой культуры: более 70 городищ, более 200 селищ, столько же случайных находок и кладов, более 60 могильников. Были плотно заселены рр.Чусовая, Косьва, Яйва, почти на всем протяжении побережье Камы, р.Иньва, Коса, Камско-Колвинское междуречье. Значительная группа появилась в верховьях р.Камы (зюздинские коми). Количество локальных групп более десяти. Степень заселенности края в это время была очень высока.

Погребальные памятники ломоватовской культуры делятся на две группы: курганные и бескурганные. На одних и тех же памятниках могут быть как курганные, так и грунтовые могилы. Курганы характерны для V-VII вв., бескурганные – для VII-IX вв. На курганных могильниках изучено более 300 могил. Количество зафиксированных насыпей от 6 до 76. Для северных могильников типично большее число могил под одной насыпью. По способу погребения выделено три варианта захоронений: труположение, трупосожжение в ямах, трупосожжение на древней поверхности. Конструкции могил с различными обрядами не отличаются. Внутримогильные сооружения известны в виде сруба в один венец из бревен или гробовищ из досок. При труположении погребенные лежали вытянуто на спине, руки вдоль тела. В женских могилах многочисленны украшения, кожаные пояса, в мужских – ножи, кинжалы, мечи, удила, пряжки. В большинстве случаев украшения обнаружены в том порядке, в каком они

использовались в костюме. Исключение – пояса, которые иногда уложены вдоль погребенного.

На 17 бескурганых могильниках исследовано более 2000 захоронений. Могильники использовались населением двух-четырех и более столетий. Они занимали довольно обширную площадь и содержали большое количество (до 450) погребений. Захоронения не имеют видимых следов на поверхности, располагались рядами. Погребальные конструкции – долбленные колоды, гробовица, дощатые настилы. Дно и стенки могил иногда выстланы берестой. Для могильников VII-IX вв. характерны два обряда: трупосожжение в ямах и трупоположение. В северных районах трупосожжение преобладало. К концу VIII в. повсеместно возросла доля трупоположений. Захоронения с различными обрядами, составом инвентаря не отличаются. Более 90% могил содержали вещи или обломки посуды.

Поселения ломоватовской культуры функционировали на протяжении всей культуры. В северных районах преобладали селища. Число селищ в одной группе составляет от 8 до 46. Внутри локальных районов они располагаются поодиночке и группами по 2-4 памятника. Городища сооружены преимущественно на мысах. Наиболее типичны однорядовые укрепления – ров и вал с напольной стороны, реже – дополнительные – со стороны мыса. По размерам площадок памятники делятся на три группы. Крупные городища площадью 13-42 тыс. кв.м характерны преимущественно для раннего периода культуры и одного из ее районов, самого южного – туйско-гаревского. Наиболее характерны городища средних размеров, площадью 5-10 тыс. кв.м. Памятники малой площади (менее 5 тыс. кв.м) распространены, главным образом, в VII-IX вв. Городища служили местами постоянного обитания, административными и металлургическими центрами. На поселениях обнаружены остатки наземных жилищ столбовой конструкции, а также наземные бревенчатые дома с канавками, очагами и

хозяйственными ямами. Зафиксировано множество пунктов случайных находок. Основную массу их составляют украшения, реже - оружие и культовые вещи. Отсутствие среди них массового поселенческого материала позволяет предполагать, что они происходят в большинстве своем из разрушенных могильников. Судя по случайным находкам, освоение глубинных районов Верхнего Прикамья шло постепенно и относилось преимущественно к VII-VIII вв.

Особый вид памятников ломоватовской культуры – клады. По характеру находок они разделяются на три группы: I – клады с украшениями, обнаруженные в основном в северных районах ломоватовской культуры, II – блюда с сопровождающими их предметами и III – предметы культа. Замечательными памятниками ломоватовской культуры являются находки импортных блюд, чаш, кувшинов (30 местонахождений, более 70 сосудов). Памятники этого типа известны во всех районах ломоватовской культуры. Клады находят в непримечательных местах без культурного слоя, поблизости от поселений. Выпадение кладов относится к VII и VIII-IX вв. Уникальны клады, составленные из культовых изображений. Расцвет этих предметов относится к VI-VIII вв. Плоские шаманские изображения являются одной из специфических особенностей ломоватовской культуры.

Бассейн р.Сылвы (**неволинская культура**) в конце IV - IX вв. был одним из самых заселенных районов Прикамья (известно более 270 памятников). Протяженность обитаемой территории с севера на юг составляет около 150 км, с запада на восток – 100. Исследованы городища, селища, могильники, клады. Они располагаются группами с центральным большим по площади городищем, подступы к которому были защищены несколькими сторожевыми. Вокруг располагались многочисленные селища.

Могильники неволинской культуры использовались длительное время и представляли собой сложные комплексы, сочетавшие курганные и

бескурганные части. Курганных могильников известно восемь, из них исследовано пять. Курганы располагаются тремя группами: в низовьях р.Сылвы, в устье Шаквы и в ее среднем течении. Число курганов колеблется от 2 до 50. Они размещены нечеткими рядами или группами. Насыпи невелики, окружены канавками. Захоронения произведены в гробовищах или срубках, встречалась обкладка стенок камнями. Основной обряд – труположение вытянуто на спине. Украшения костюма главным образом располагались так, как использовались при жизни. Известны случаи, когда пояс вытянут вдоль умершего, а некоторые типы украшений уложены в берестяные коробочки. В начале VII в. обычай сооружать курганы исчез, и рядом с курганами появились бескурганные могилы, расположенные рядами. К настоящему времени на девяти таких могильниках исследовано около 600 захоронений. Захоронения совершены в гробовищах и долбленых колодах, единичны случаи покрытия гроба берестой или обертывания умершего шкурой животного. Способ погребения – индивидуальные труположения вытянуто на спине. Умерших хоронили в праздничной одежде с украшениями и различным инвентарем. Погребальный обряд могильников неволинской культуры свидетельствует о единообразии и устойчивости похоронных традиций населения Сылвенского поречья с конца IV по первую половину IX в.

Появившись в Прикамье, саргатцы вступили в конфронтацию с местным гляденовским населением, о чем свидетельствуют братская могила семи молодых воинов, несколько погребенных, убитых стрелами, в Бродовских курганах. Нестабильность обстановки подтверждают и около 20 кладов, среди них два (Каракосовский и Усть-Кишертский) состоят из шаманских изображений, остальные – серебряной посуды иранского, среднеазиатского и византийского происхождения. Наряду с единичными предметами встречаются собрания по два и шесть сосудов. Процесс

формирования этих кладов был, вероятно, долговременным, так как состав их весьма сложный. Например, Нижне-Шахаровский клад состоял из двух иранских сосудов, хорезмийской чаши, чаши с согдийской надписью и сосуда неизвестного происхождения. Иногда в составе кладов, кроме серебряной посуды, обнаружены византийские и сасанидские монеты и украшения, слитки из цветного металла.

После IX в. в Сылвенском поречье сохранялись различные этнические группы (Пастушенко 1995).

Поломская культура (V-IX вв.), памятники которой расположены на правом берегу верховой р.Чепцы, большинством исследователей сопоставляется с предками удмуртов, Р.Д.Голдиной – с предками коми-пермяков. Памятники полумской культуры расположены близко к верховьям р.Камы, где в это время существовала довольно многочисленная зюздинская (верхокамская) группировка ломоватовского населения. Логично предположить, что р.Чепца была освоена именно из этого региона. Общий облик полумской культуры близок именно ломоватовскому. А.А.Спицын в 1888 г. писал, что среднее и верхнее течение Чепцы и верховья Камы населяла чудь - пермяцко-зырянское население (Спицын 1888: 207, 211-212).

К настоящему времени известно около 100 памятников полумской культуры: более 40 селищ, 33 городища, более 20 могильников и несколько местонахождений и кладов. Они располагались преимущественно от с.Дебессы на востоке до с.Адам на западе. Протяженность территории с востока на запад составляет 120 км, с юга на север - около 80 км.

Наиболее активно процесс освоения среднего течения р.Чепцы шел в IX в., когда, скорее всего, после набега болгар полумское население в основной массе переселилось на территорию Волжской Болгарии, а также на запад и заняло здесь не только причепецкие берега, но побережье всех основных притоков. Центром на новой территории стала многочисленная

чепецко-варыжская группа, где число только вновь основанных поселений достигло двух десятков.

Обращает на себя внимание высокий процент городищ в полемской культуре (40,0%). Очевидно, при освоении бассейна р.Чепцы полемское население предпринимало соответствующие меры безопасности, укрепляя свои поселки. Косвенным свидетельством нестабильности обстановки, угрозы внешнего нападения, усилившейся к IX в., являются клады ценной утвари и монет, относящиеся к этому времени.

Основная масса городищ - одноплощадочные с одной линией обороны - валом и рвом площадью от 2400 до 40000 кв.м., среди которых преобладают небольшие. Исключение составляет Иднакар площадью 40000 кв.м. В каждой территориальной группе зафиксирован административный центр - городище несколько большей площади, чем остальные. Все укрепленные поселения были постоянно обитаемы. Из известных к настоящему времени селищ полемской культуры одна треть возникла в VI-VIII вв., остальные в IX в. Число селищ в одной локальной группе иногда превышало 10. Большинство селищ приурочены к городищам, площадь их 6000-12000 кв.м. Мощность культурного слоя - 0,2-0,4 м.

На семи исследованных могильниках полемской культуры изучено около тысячи захоронений. Все объекты расположены на берегах р.Чепцы и почти все - в местах впадения в нее притоков. Могильники находились поблизости от поселений, обычно на соседнем мысу. Как правило, расстояние между могильником и поселением не превышало 0,2-0,5 км. Могильники занимали большие площади и содержали значительное число захоронений (86-304). Ни один из них не изучен до конца, и почти все в различной степени разрушены. Захоронения преимущественно индивидуальные. Основной способ погребения - труположение, вытянуто на спине. Очень редки случаи трупосожжения. Около 90% всех могил

содержит инвентарь. Таким образом, основу ломовской культуры составляло местное, преимущественно ломоватовское ломоватовское население.

Ванвиздинская культура (VI-X вв.)

Аналогичные этнокультурные процессы в эпоху раннего средневековья происходили и на европейском Северо-Востоке, документируемые материалами ванвиздинской культуры, генезис и этнокультурная атрибуция которой являются ключевыми для решения проблемы этногенеза коми-зырян. Никем из исследователей не оспаривается формирование ее на основе местной гляденовской. Бесспорным в настоящее время является участие в ее генезисе пришлого из Прикамья смешанного (харинско-гляденовского?) населения, археологические памятники которого представлены могильниками, содержащими, как и в Прикамье, как курганную, так и бескурганную части (Веслянский I, Борганьельский, Юванаягский, Шойнаягский). Л.И.Ашихминой выявлены специфические особенности этих могильников, проявляющиеся прежде всего в погребальной обрядности (Ашихмина 1988:15-16). Погребения, совершенные под небольшими насыпями, содержат мечи, кинжалы, топоры, наконечники копий, оборонительные доспехи всадников (кольчуги), богатые пояса с бронзовыми накладками, а также разнообразный набор украшений. На Веслянском I могильнике найдены сасанидские монеты, серебряный ритон в форме головы быка, деревянная чаша с ручкой в виде скульптуры медведя, пронизки и подвески коньков и медведей, серебряные и золотые наглазники и наротники и др. По мнению Э.А.Савельевой в культуре этого населения прослеживается сарматский, а не угорский компонент. Немногочисленные пришлые группы населения были ассимилированы местными гляденовцами, что проявляется и в погребальной обрядности, и материальной культуре ванвиздинского населения. В VII в. курганы исчезают, на смену им приходят (возвращаются) грунтовые погребения без насыпей. Приход в бассейн

Вычегды южного населения способствовал прогрессу в развитии металлообработки, кузнечного производства. К этому времени относится появление животноводства.

По проблеме этнической принадлежности ванвиздинской культуры существуют различные точки зрения. Еще А.П.Смирнов отмечал сходство ванвиздинской керамики с ананьинской (Смирнов 1928: 472-479). В 1960-е годы была выдвинута гипотеза о ее угорской принадлежности (Буров 1965; 1967). По мнению Э.А.Савельевой, ванвиздинская культура является северной параллелью ломоватовской и оставлена древнекоми этносом (Савельева 1971: 147-148). Эта точка зрения в дальнейшем была поддержана В.А.Обориным, Р.Д.Голдиной и др. (Оборин 1969: 165; Голдина 1987: 15, 19; 1989: 25). Л.П.Лашук также склонился к пермской этнической атрибуции ванвиздинской культуры (Лашук 1972: 27-29). А.Х.Халиков считал ванвиздинскую культуру общепермской (Халиков 1985: 9-11).

Ареал ванвиздинской культуры включает бассейны Вычегды и Мезени. Единичные памятники известны на Печоре, в Прикамье, на Северной Двине, в устье р. Юг. В настоящее время на территории Республики Коми известно более 50 поселений, семь могильников, два святилища, шесть случайных находок и кладов. Площадь поселений составляет от 250 до 5000 кв.м. Мощность культурного слоя обычно не превышает 20 см. На селищах раскопаны остатки наземных или слегка углубленных в землю жилищ площадью до 50 кв.м, очаги, хозяйственные ямы, металлургические комплексы.

Известно семь могильников: Шойнаты I (10), Евдинский (5 могил) и Угдым II (17 могил), а также примыкающие к курганным захоронениям грунтовые погребения Веслянского I, Борганьельского и Юванаягского могильников. Фиксируются два способа погребения – трупосожжения и трупоположения. Ванвиздинская керамика представлена чашевидными и

горшковидными сосудами с округлым дном, часто с закрытым устьем. Орнамент нанесен по венчику и шейке. Основные узоры – сочетания многорядных шнуровых оттисков с гребенчатыми и ямками. В качестве примесей к глиняному тесту использовались, главным образом, дресва, реже слюда, кварц, раковина. В развитии культуры выделены четыре этапа: I – шойнатыйский (середина I тыс. н.э.), II – кузьвомынский (VI-VII вв.), тохтинский (VII-VIII вв.), лозымский (IX-X вв.).

Исследования последних лет дают неопровержимые свидетельства генетической преемственности ванвиздинской и вымской культур, что проявляется прежде всего в наиболее массовом материале – керамике. Комплекс керамики поселений Угдым II и Лозым по форме, технологии изготовления, орнаменту имеет как поздневанвиздинские признаки, так и черты, присущие керамике перми вычегодской (Королев, Савельева 1988: 9-18). Керамика сопровождается выразительным комплексом металлических изделий, датируемых IX-X вв. (Королев, Савельева 1988: 18-20). Генетическая преемственность ванвиздинской и вымской культур прослеживается и в погребальной обрядности (Королев 1985: 35-44).

В начале эпохи раннего средневековья границы расселения удмуртского этноса оставались без изменений. Южная часть Камско-Вятского междуречья была занята населением верхнеутчанской культуры, низовья р.Белой - бахмутинской, Вятско-Ветлужское междуречье - еманаевской.

На территории современной северо-западной Башкирии (междуречье рр.Уфы и Белой) известно около 300 памятников со своеобразным обликом материальной культуры, относящихся к бахмутинской культуре. Она сложилась на основе карабызской и чегандинской. Известно около 60 городищ, около 200 селищ и несколько могильников. Поселения сосредоточены на мелких реках при городищах, сооруженных в верховьях

рек. Могильники бескурганые, среди них наиболее изучены Бахмутинский и Бирский. Они занимают большую площадь, плотно насыщенную могилами. Погребения совершены по способу труположения, вытянуто на спине, головой на север. Захоронения индивидуальные, изредка коллективные. Как и в прикамских могильниках, довольно часто встречаются погребальные дары: берестяные коробки с украшениями, а также кожаные пояса с накладками, уложенные вдоль погребенного.

Наличие на сопредельных и на этой территории памятников иного типа - турбаслинских, романовских, кушнарниковских и других - свидетельствует о том, что бассейн р.Белой стал местом обитания разных народов зауральского, южноуральского и западно-сибирского происхождения. Постоянная близость населения инородного происхождения в конечном счете привела к оттоку бахмутинского населения из Башкирии и его ассимиляции. В результате восточная граница пермского массива сместилась на запад и стала проходить по Каме, являвшейся естественной преградой на пути массового притока кочевников. Антропологические материалы также свидетельствуют о смене антропологического типа на территории Башкирии во второй половине I тыс. н.э. и начале процесса формирования антропологических вариантов современных башкир. Истоки этого нового типа антропологи видят в среде тюркских кочевников Зауралья, Алтая и Казахстана (Ефимова 1991: 77-80). Однако включение в состав северо-западных башкир мощного пермского компонента хорошо проявляется в наличии здесь особой локальной группы, характеризующейся более низким и узким, среднепрофилированным в горизонтальной плоскости лицевым скелетом (Акимова 1968; Ефимова 1991). Учитывая, что бахмутинские памятники близки чегандинским и кара-абызским, логично предположить их принадлежность пермякам, более конкретно - древним удмуртам.

Подобная судьба постигла, вероятно, и пермянское население соседнего региона - бассейна р.Тулвы, так как памятники VI в. и более позднего времени здесь крайне редки. Вследствие неспокойной обстановки в VI в. эта территория была оставлена пермянами, частью ассимилированными, а частью переселившимися в более северные края.

Верхнеутчанская культура располагалась в южной части Камско-Вятского междуречья, включая бассейны правобережных притоков р.Камы: Сивы, Ижа, Тоймы, а также верховья р.Валы - притока р.Кильмези. Известно около 100 памятников этого времени. Среди них более 30 селищ площадью 250-6000 кв.м. Селища группировались вокруг городищ, которые располагались, как правило, на предшествующих ананьинско-чегандинских. Среди городищ выделены административные центры, убежища, сторожевые городки. Из могильников верхнеутчанской культуры пока исследован один - Петропавловский.

На девяти памятниках правобережья р.Камы найдена оригинальная посуда кушнаренковско-караякуповского типа (Казанцева, Ютина 1986: 110-129), принадлежавшая угорскому населению, пришедшему на рубеже VI-VII вв. в бассейн р.Белой из западной Сибири. На правом берегу р.Камы это население активно контактировало с верхнеутчанским. В конце VII – середине VIII в. основная часть приуральских угров в результате столкновений с появившимися здесь булгарами мигрировала на запад, около 896 г. достигла Паннонии и стала известна здесь под названием венгров. Контакты пермян с протовенграми отразились и в языке. И в венгерском и в пермских языках имеется некоторое число общих слов *хлеб, порог двери, серебро*, а также зафиксированы интересные совпадения в морфологии и фонетике языков (Основы финно-угорского языкознания... 1976: 99; Хайду 1985: 194).

Удмуртские памятники VI-IX вв. на р.Вятке объединены в **еманаевскую культуру**, памятники которой располагаются как по левобережным ее притокам, так и по правобережным, вплоть до р.Ветлуги. В X в. ее сменила кочергинская культура. Начиная с этого времени число удмуртских памятников в Вятско-Ветлужском междуречье все более сокращается и самые поздние из них датируются XIII в. Постепенно эта территория была освоена марийцами, продвигавшимися на восток. Толчком для их переселения послужила, видимо, экспансия в марийское Заволжье Болгарского государства. Западных удмуртов, живших по р.Пижме и ее притокам, называли Калмез. Перейдя на левобережье р.Вятки, возможно, они перенесли это название на одну из наиболее крупных рек - Кильмезь. Калмезы имели некоторые особенности в использовании одежды, а язык их относится к срединным (переходным) говорам, обладающим признаками как южного, так и северного наречий.

На рубеже VII-VIII в. в Нижнем Прикамье и прилегающем Поволжье появились кочевники-болгары, которые разгромили именьковское население и заняли его территорию. В конце IX в. здесь сложилось государство Волжская Болгария, в состав которого также вошли довольно большие группы пермян (население ломоватовской, неволинской и полемской культур). Болгарское влияние ощутимо в животноводстве, земледелии, торговле, материальной и духовной жизни пермян. В 30-е гг. XIII в. государство болгар было разгромлено монголами, Волжская Болгария включена в состав Золотой Орды.

Реликтом некогда существовавшего крупного массива западных удмуртов являются арские удмурты, живущие в северо-восточной Татарии и на юго-востоке Кировской области. Они говорят на кукморском и шошминском диалекте периферийно-южного наречия удмуртского языка, имеют отличительные особенности в одежде и украшениях. Эта группа

явилась исходной территорией для переселения удмуртов на северо-восток, в Южную Удмуртию, а также на восток и юго-восток.

Вероятно, отсюда же происходит этнографическая группа бесермян, живущая сейчас в бассейне р.Чепцы и говорящая на особом наречии удмуртского языка. Бесермянский костюм имеет черты, сближающие его с чувашским. Антропологический тип их отличается большей европеоидностью, чем других групп удмуртов. Возможно, бесермяне-удмурты на территории Арской земли усвоили от болгар некоторые особенности материальной и духовной культуры, а переселившись на р.Чепцу, сохранили их.

Памятники X-XIV вв. Южной Удмуртии относятся к **чумойтлинской** археологической культуре, сложившейся на основе верхнеутчанской. В культуре южных удмуртов явственно ощущается влияние тюркского мира, что проявляется в особенностях одежды, головных уборах, украшениях, домостроении, верованиях, языке (ижские, верхневалинские, тойминские, умякские, кырыкмасские говоры южноудмуртского наречия), физическом облике.

Начало контактов удмуртов с татарами, говорящими на языке кыпчакской группы тюркских языков алтайской языковой семьи, относится к XIII - XV вв. - смене в Прикамье болгарского языка кыпчакским. Районом соприкосновения сначала был район Арской земли, а с конца XIV в. - нижнее и среднее течение р.Чепцы, где расселились каринские и чепецкие татары - выходцы из Приказанья. В Южной Удмуртии первые татарские поселения известны в XVI-XVII вв.

X в. – рубеж новых культурных объединений, начало возникновения археологических культур, в которых проявилось обособление коми-зырян от коми-пермяков. С древними коми-зырянами отождествляется вымская культура (на территории Республики Коми), а с коми-пермяками (по мнению

Р.Д.Голдиной) – очень близкие родановская (Верхнее Прикамье), чепецкая, кочергинская (р.Вятка) и раннесылвенская (бассейн р.Сылвы).

Вымская культура (XI-XIV вв.) оставлена летописной Пермью (вычегодской), предками коми-зырян, что засвидетельствовано письменными источниками. Ее ареал охватывает бассейн Вычегды с ее притоками Вымь, Сысола, Яренга, единичные памятники известны на р. Вашка и Луза. По мнению Э.А.Савельевой, она сформировалась на основе предшествующей ванвиздинской с включением прибалтийско-финского компонента, который прослеживается не только по археологическим материалам, но и данным антропологии, топонимики, языкознания, этнографии, особенно в северо-западных и юго-западных районах ее ареала. На рассматриваемой территории известно более 30 памятников, среди них только два поселения. Городища не известны. Все исследованные на территории Перми вычегодской городища – древнерусские. Наиболее высокая концентрация памятников фиксируется в долине р. Выми, где открыто и исследовано 15 могильников и два поселения, из них на семи из них проведены исчерпывающие раскопки (Савельева 1987). На нижней Вычегде известно четыре могильника, на средней – четыре могильника, одно поселение и одно святилище, на р. Сыsole – четыре могильника. В настоящее время выделяется шесть локальных вариантов, соответствующих территориально-племенным объединениям: вымский, нижневычегодский, средневычегодский, удорский, прилузский, верхнесыольский. Эти данные свидетельствуют не только о неравномерной изученности территории обитания вычегодских пермян, но и отражают различную плотность населения в районах их обитания. Судя по имеющимся в настоящее время источникам, основной территорией формирования народности коми-зырян в эпоху средневековья являлись Вымская и Нижневычегодская земли. Удорский, средневычегодский, верхнесыольский локальные варианты

вымской культуры располагались на периферии Перми Вычегодской. Свообразием отличается нижнесысольская группа памятников, к которой относятся Усть_Сысольский и Вотчинский могильники, которые по обряду погребения и инвентарю близки родановским, чепецким и древнемарийским. Вполне вероятно, что они относятся к одному из пермских территориально-племенных объединений, занимающих промежуточное положение между родановцами и вычегодскими пермянами или пришлому из Прикамья населению (Истомина 1999: 76-102).

Могильники – грунтовые, на поверхности прослеживаются впадины от могил, число которых составляет от нескольких десятков до нескольких сотен. Могилы располагаются рядами и группами. Погребения совершены способом ингумации и кремации. Одной из характерных особенностей являются внутримогильные дощатые конструкции виде срубов, реже – дощатых настилов. Дно и стенки погребений покрыты берестой. Более 80% погребений сопровождаются вещевым инвентарем. При ингумации они расположены преимущественно на дне, при кремации – в засыпи ямы беспорядочно. Между могилами зафиксированы остатки погребельных тризн – кострища, глиняная посуда, орудия труда, украшения, редко – кости животных.

Исследованное Жигановское поселение занимает площадь около 5500 кв.м. Выявлены жиилые и хозяйственные постройки, производственная мастерская. Жилища – наземные и полужемлянки.

Вымская керамика представлена лепными сосудами, преимущественно с примесью дресвы, песка, кварца и слюды, реже – с растительной и раковинной примесью. Преобладают сосуды чашевидной и горшковидной форм, встречаются баночной и котловидной. Орнаментальные узоры располагаются в верхней части сосудов горизонтальными поясами: по венчику, плечикам и шейке. В технике орнаментации преобладает зубчатый

штамп. На втором месте по распространенности стоит кружковый штамп. К менее распространенным элементам орнамента относятся дуговидные насечки, отпечатки решетчатого и фигурного штампов, пальцево-ногтевые вдавления, отпечатки шнура. Одной из специфических особенностей вымско-вычегодской керамики являются рельефные орнаментированные валики. Керамика вымской культуры по форме и орнаментации наиболее близка родановской и чепецкой. Общими являются традиционные формы сосудов, восходящие к ананьинской основе, узоры, нанесенные отпечатками зубчатого штампа и кольцевидными вдавлениями.

Хозяйство – комплексное. Были развиты подсечное земледелие, животноводство, кузнечное и бронзолитейное производства, охота, рыбная ловля, собирательство, различные домашние промыслы. Древнейшими злаковыми культурами являлись рожь, ячмень, овес, горох. Разводили лошадей, коров, овец, свиней. Для кузнечного производства характерно преобладание технологических схем трехслойного пакета и вварки стального лезвия. С середины – конца XII в. появляются высококачественные изделия, изготовленные по технологии наварки, что связано с древнерусской колонизацией региона. Важное место в хозяйстве занимала охота, особенно пушной промысел, роль которого возросла в связи с включением этого региона в сферу экономических и политических интересов древнерусских княжеств и Волжской Болгарии. Объектами охоты являлись лоси, медведи, бобры, куницы, соболи зайцы, птицы. На памятниках вымской культуры многочисленны привозные изделия, преимущественно украшения, из Северо-Западной Руси и Волжской Болгарии, среди которых преобладают древнерусские. Значительное своеобразие вымской культуры в значительной мере обусловлено мощным древнерусским культурным воздействием которое проявляется в производственной сфере, особенно кузнечном производстве, и украшениях костюма.

В X-XV вв. в верхнем Прикамье развивалась **родановская культура**, сложившаяся на основе ломоватовской. Была выделена М.В.Талицким как культура предков коми-пермяков, исследована В.А.Обориным и другими. Является одной из наиболее изученных в Прикамье (раскопано более 80 объектов).

К настоящему времени известно более 400 памятников родановской культуры. Судя по их расположению, в это время коми-пермяки заселяли оба берега р.Камы, Чусовую, все наиболее крупные правобережные притоки Камы – Обву, Иньву, Косу, а также Колву и Вишеру. В это время пермяцкое население освоило и мелкие притоки Камы: Лупью, Березовку, Южную Кельтму, приток Вишеры – Язьву. Плотность пермяцкого населения в X-XV вв. была весьма высокой. Так, в окрестностях г.Чердыни сосредоточено более 80 памятников, между селами Гайны и Пятигоры (около 30 км) – более 50. Следует учитывать, что в силу разных причин далеко не все археологические объекты известны. Очевидно, многочисленность пермяцкого населения, его высокая плотность и обусловили то, что этот край в отличие от Вычегодской получил у русских название Пермь Великая. В.А.Обориным выделено 11 локальных вариантов, на которых сложилась коми-пермяцкая народность. Многие родановские памятники, например, Кудымкарские городище и могильник на р.Иньве, использовались и в XVI в. до начала массового освоения русскими этого края. Некоторые из городищ упоминаются в русских летописях.

Поселения представлены городищами (более 70) и селищами (около 250). Городища – мысовые, площадью 15-20 тыс. кв.м, с мощностью культурных слоев до 2-х м и более. На позднем этапе культуры появляются небольшие городища с сильными укреплениями – прообразы раннефеодальных замков (Искорское городище). Это городки язычников – на Искорском городище раскопано святилище в виде круглой глинобитной

площадки, покрытой костями животных, принесенных в жертву, и кострищ, окружавших столбовую постройку в центре. В северных районах эти объекты сохраняются дольше. Селища группируются вокруг городищ. Площадь их невелика – 1-4 тыс. кв.м. На поселениях раскопаны прямоугольные наземные бревенчатые избы с глинобитными очагами. Площадь их колеблется от 16 до 80 кв.м.

Могильники бескуранные, как правило, располагаются недалеко от городищ. На ранних - четко видны ряды захоронений, на поздних – погребения размещены беспорядочно. Более того, в поздних - богатые погребения выделены планиграфически (Гуринский могильник). Захоронения произведены в обычных ямах с остатками гробовищ и колод. На ранних памятниках встречались как трупосожжения, так и трупоположения, на поздних – только трупоположения. Между могилами обнаружены остатки поминальных тризн – кости животных, сосуды и их обломки, отдельные вещи. Лучше других изучены Редикорский на р.Колве, Рождественский на р.Обве, Плесинский, Агафоновский II на р.Каме, Аверинские I и II в верховьях р.Камы. Инвентарь могильников напоминает неволинско-ломоватовские изделия.

В развитии родановской культуры В.А.Оборин выделил 2 этапа: лаврятский (IX – середина XII в.) и рождественский (вторая половина XII-XV в.).

Коми-пермяки вели комплексное хозяйство, в котором активно использовались ресурсы, предоставленные природой. Земледелие давало рожь, овес, ячмень, просо, полбу, горох. Разводили все известные сейчас виды домашнего скота. Дополнительные источники питания поставляли собирательство и рыболовство. На поселениях найдены кости стерляди, осетра, щуки, севрюги, судака, сома и других видов рыб. Успешно развивалась промысловая охота на бобра, куницу, белку, лису, барсука, зайца,

медведя, а также на лося, северного оленя, косулю. Родановские металлурги и кузнецы умели изготавливать железные изделия по прогрессивным технологическим схемам. Уровень отдельных операций (ковка, сварка, термообработка) был достаточно высок и соответствовал общему уровню развития восточноевропейского кузнечного ремесла.

Продукция ремесленных центров пермяков хорошо представлена не только на территории Перми Великой, но и далеко за ее пределами. Еще в VII-VIII вв. пермскими торговцами был освоен Волго-Балтийский торговый путь, по которому из Прикамья в Финляндию поступали оригинальные пояса неволинского типа, изготовленные мастерами, жившими в бассейне р.Сылвы. На запад в родственную финно-угорскую среду распространялись и другие украшения, сделанные пермскими мастерами – коньковидные и полые птицевидные шумящие подвески, кресала с бронзовыми рукоятями, гривны «глазовского» типа, культовые фигурки «всадница на змее» и другие вещи.

Поражает количество накапливаемого семьями и общинами серебра. В 1883 г. возле с.Редикор Чердынского района найден клад – серебряное ведро среднеазиатского происхождения и в нем 34 серебряные гривны «глазовского» типа. Общий вес клада около 8 кг серебра.

О масштабах торговли в какой-то мере можно судить и по количеству бус в захоронениях. В нескольких неволинских могильниках их обнаружено более 4000, только в Аверинских могильниках возле с.Афанасьево – более 2000 экземпляров. По данным Й.Херрмана, в средние века на рынках североскандинавских стран одна бусина равнялась 3 гр. серебра или шкурке одной куницы. Не трудно представить, сколь велики были объемы торговых операций населения Прикамья в эпоху средневековья.

Имущественная дифференциация общества проявилась в обособлении богатых погребений на могильниках от остальной массы общинников

(Гуринский могильник), а также появлении небольших городков с сильными укреплениями – княжеских замков (Искорское, Кудымкарское городища). Процесс обособления верхушки отразился в героическом эпосе коми-пермяков (легенды о Кудым-Оше и Пере-богатыре), а также в распространении таких понятий как «корт мавны» - захватить (имущество); «вот» - дань, налог; «вер» - раб; «мед» - наем; «эксей» - князь и т.д.

В материальной и духовной культуре родановцев имеются многочисленные свидетельства близости с этнографическими особенностями коми-пермяков. Автохтонность коми-пермяцкого народа в верхнем Прикамье подтверждается не только археологическими, но и лингвистическими источниками. Именно в границах Перми Великой концентрируется топонимика с характерными для коми формантами: -ва (вода), -ю (река), -шор (речка), -кар (городище, город), -горт (свой дом).

Многие памятники родановской культуры сохранили названия на коми-пермяцком языке (Анюшкар, Кудымкар, Майкор, Искор и др.). Уже в ломоватово-родановское время проявляются территориальные различия, приведшие к формированию четырех наречий коми-пермяцкого языка: северного, южного, верхнекамского (зюздинского) и коми-язьвинского (Баталова 1975).

В результате прогресса в производстве материальных благ население верхнего и среднего течения р.Чепцы перешло на новую ступень исторического развития, названную археологами **чепецкой культурой**. Некоторые исследователи считают, что поскольку резких изменений в материальной культуре не наблюдается, то можно, не разделяя, относить полумскую и чепецкую культуры к одной - полумско-чепецкой (Иванов 1991: 84). Несмотря на преемственность памятников полумской и чепецкой культур, разграничение их имеет смысл, так как X в. - рубеж новых качественных преобразований в чепецком обществе, связанных как с

прогрессом самого общества, так и с влиянием внешних факторов - вновь созданного тюркоязычного Болгарского государства и набирающего силу Русского государства.

К настоящему времени в бассейне Чепцы известно более 120 памятников X-XIII вв.: 13 городищ, более 30 селищ, более 30 могильников, клады и случайные находки (Иванова 1979б: 115-149). Границы чепецкой культуры по сравнению с позднеполомским временем существенно не изменились, пожалуй, лишь увеличилась плотность заселения среднего Причепечья. Продолжали использоваться городища, возникшие в поломское время. Из них лучше всего изучено городище Иднакар возле г.Глазова (Иванова 1985: 3-36; 1988; 1995: 4-55 и др.). Как показали многолетние раскопки, проведенные под руководством М.Г.Ивановой, первоначальная площадь, ограниченная валом и рвом, равнялась 10 тыс. кв.м, но уже в X в. она была расширена до 20 тыс. кв.м. В XI в. жители поселка возвели третью линию укреплений на расстоянии 130 м от второго вала. В это время внутренний вал, потерявший свое значение, был снесен, а площадь укрепленной части достигла 40 тыс. кв.м. Ширина валов - 14-19 м, их высота - около 10 м, ширина рвов - до 10,5 м. Края площадки были огорожены частоколом. На площадке располагались жилые постройки шестью параллельными склонам рядами, вдоль склонов - хозяйственные и производственные сооружения. Городище Иднакар представляло собой административный, ремесленный и торговый центр чепецкой культуры.

Погребальные памятники (Иванова, 1992; 1996, с.13-14,16-18) делятся на две группы. Ранние (X-XI вв.), расположенные в основном по правобережью р.Чепцы (Варнинский, Омутницкий и др.), близки поломским, поздние (XI-XIII вв.) (Кузьминский, Маловенижский (Иванова 1982б: 52-76; 1992 и др.) выявлены в основном на левобережье или на малонаселенных правых притоках р.Чепцы. По материалам могильников

чепецкую культуру можно довольно четко разделить на две стадии: раннюю - X-XI вв. и позднюю - конец XI-XIII в.

Могильники поздней стадии бескурганые, погребения образуют нечеткие ряды. Известны случаи покрытия дна могилы берестой, лубом, тканью, мехом, встречались и фрагменты дощатых гробовищ. В засыпи почти всех могил отмечены углистые пятна, иногда даже обугленные поленья. Между могилами выявлены остатки поминальных тризн - кострища, глиняные сосуды. Кости животных, столь характерные для могильников X-XI вв., здесь не обнаружены. Погребальный инвентарь несет на себе следы воздействия болгарского, славянского и финского мира.

Ранее учеными предполагалось довольно значительное воздействие на чепецкое население болгарской культуры. Однако исследования М.Г.Ивановой показали, что это совсем не так. Болгарской керамики на чепецких городищах немного: на Гурьякаре - 1,75%, Иднакаре - 1,62%. Здесь не найдены монеты болгарского чекана; многие типы украшений, считавшиеся ранее болгарскими, производились на чепецких поселениях (Иванова 1990: 47-48).

В XIII в. большинство чепецких памятников прекратили свое существование. Возможно, это связано с драматическими событиями, охватившими всю Восточную Европу, - нашествием монголов. Было взято штурмом и городище Иднакар. На городище собраны 503 костяных, 212 железных наконечников стрел, из них 87 наконечников кочевнического типа XIII в. Чепецкие памятники почти не содержат достоверных материалов после XIII в. Однако вполне вероятно, что отдельные группы чепецкого населения, изменив характер расселения и основав небольшие заимки в более отдаленных от р.Чепцы местах, сохранились на этой территории и позже. В XVI-XVII вв. они участвовали в сложении причепецких удмуртов.

В XI-XII вв. в Северном Приуралье появились новгородские дружинники, которые взимали дань с перми, печеры и югры, одновременно выполняя и торговые операции (Оборин 1990: 62). Во второй половине XII в. в бассейне Вычегды появляются первые русские поселения – городища (Карыйбывское и Новик на р. Вычегде, Пожегское на р.Выми), селища (Гуль-Чунь на Сысоле) – сторожевые, опорные пункты для систематического сбора дани, а также ремесленные, торговые и административные центры Древней Руси (Савельева 1993: 30-31, 2008:108-112).

По мнению Л.Д.Макарова, подтвердилось появление русских на Вятке в конце XII в. (Макаров 2001: 36). Возле первого русского городка Никулицына возникла сельская округа, представленная десятком неукрепленных поселений. Окраины этого района размещения русских были закрыты сторожевыми крепостями-городищами: с верховий - Подчуршинским, с низовий - Чижевским и Вятским, со стороны Чепцы - Кривоборским (Макаров 1991: 142-143). В заселении Вятки участвовало славянское население с Новгородчины и из Ростово-Суздальского княжества. В освоении Вятского края принимали участие не только городские и посадские слои, занимавшиеся строительством городов и крепостей, но и обычные сельские жители (Макаров 1995: 83). Имеются свидетельства первоначального противоборства русских и местного населения - удмуртов - из-за определенных территорий. Но поскольку расселение русских шло преимущественно в слабозаселенных районах Среднего Привятчья, оно было достаточно мирным (Макаров 1993: 32).

Под угрозой монгольского вторжения в среднем течении р.Вятки в середине - второй половине XIII в. возникло независимое государство - Вятская земля, объединившее как пришлое (русское, финское и тюркское), так и местное удмуртское население (Макаров 1993: 32). Появились совместные полиэтничные поселения. Для населения этого периода

характерна этнокультурная и религиозная терпимость, развиваемая демократическими традициями Вятской республики. Вместе с русской общинной верхушкой удмуртская феодализирующаяся знать стала еще в XIII в. основой вятского боярства (Макаров 1993: 33). Главным городом Вятской земли был г.Хлынов (Вятка), который возник, согласно археологическим данным, в середине XIII в. Волости управлялись земскими воеводами, один из которых на время становился старшим. Воеводы имели всю полноту исполнительной власти и избирались из числа местных бояр (Макаров 1995: 85). Находки металлических актов печатей подтверждают существование этого института. В частности, на Ковровском городище найдена печать-матрица с зеркальной надписью «Печать Григориева», датируемая второй половиной XIII - началом XIV в. и принадлежавшая, по мнению Л.Д.Макарова (2003), земскому воеводе г.Котельнича Григорию.

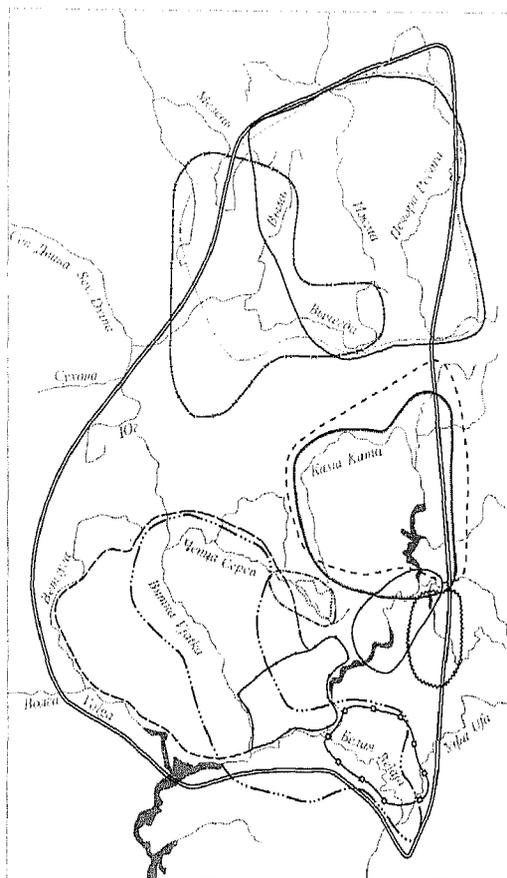
Уклад жизни русских был близок характеру хозяйствования пермского населения. Основой экономики было сельское хозяйство - земледелие и скотоводство. Господствовали трехполье и двухполье. Наряду с традиционными для удмуртов и коми-пермяков культурами, русские привнесли озимую рожь, бобовые, капусту, в северные районы - репу, брюкву, гречиху. Ручные жернова были вытеснены водяными мельницами, появились специальные зерносушилки - овины. Вместе с русскими распространились и новые более продуктивные породы скота. Гончарное дело из домашнего производства превратилось в ремесло. Совершенствовались и другие виды ремесел (Макаров 2001а: 184-201).

Духовная культура русского населения Вятской земли представляла симбиоз христианства и языческих верований (Макаров 1996: 23-49). Несмотря на длительное сохранение языческих традиций, православие усиленно внедрялось в сознание населения северного Приуралья и к XVI в. стало основой его мировоззрения. Показательно, что на памятниках

Вятского края XII-XVI вв. найдено более 40 крестов-тельников, в Верхнем Прикамье – около 20 (Макаров 1996: 39).

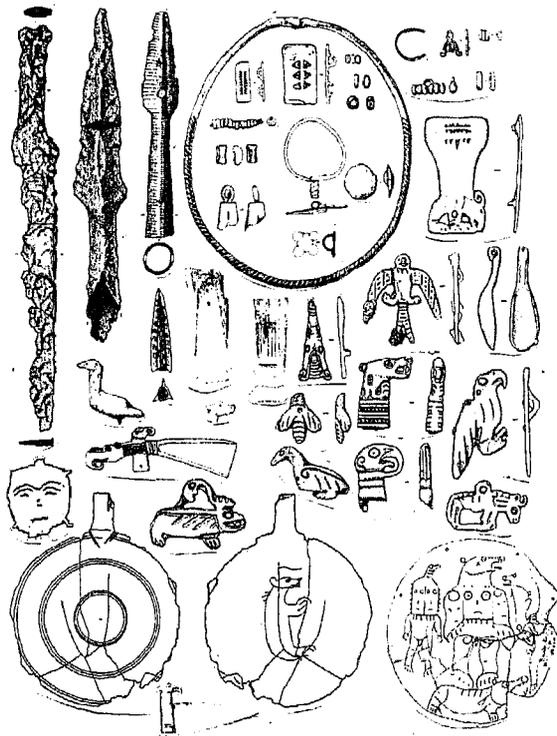
Среди русских Приуралья были люди, знающие грамоту. На Ковровском и Никульчинском городищах найдены три металлических писала и книжные застёжки (Макаров 1995: 100). О развитии музыкальной культуры свидетельствуют находки сопели, свистулек, погремушек, колокольчиков. У горожан были популярны и настольные игры: шахматы, шашки, кости (Макаров 1995: 100-101).

Таким образом, в Приуралье с глубокой древности обитали предки древних пермян – коми-пермяков, коми-зырян, удмуртов. Границы их расселения в разные эпохи менялись в соответствии с многообразными историческими обстоятельствами и процессами, проходившими в этом крае, поскольку ни одна древняя культура не могла существовать без взаимодействия с другими. На протяжении тысячелетий предки пермян контактировали с различными народами, воспринимая от них лучшие достижения. Наиболее ощутимы контакты пермян с иранцами, балтами, славянами, волжскими финнами, уграми, тюрками и другими этносами. Вместе с тем, многим поколениям пермян удалось сохранить неповторимый колорит материальной и духовной культуры своих народов.

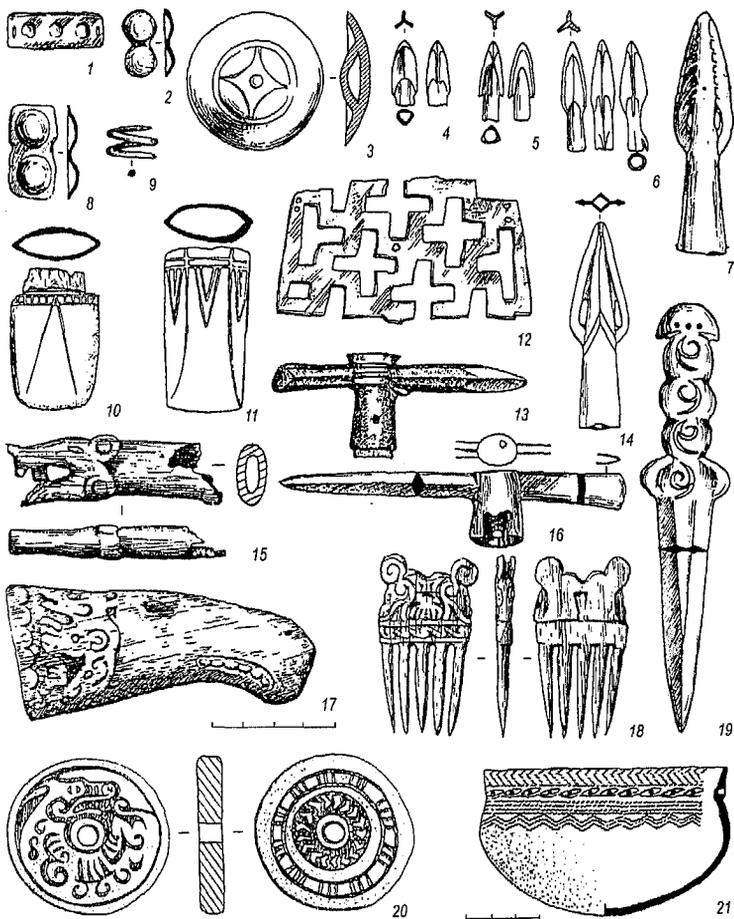

<u>Ананийская (Ananino)</u>	<u>Валвиндская (Valvinkino)</u>	<u>Верхнеутчинская, Чуваштинская (Verkhneutsh. Chuvshino)</u>	<u>Вымская (Vym)</u>
<u>Гладновская (Gladonovo)</u>	<u>Новолинская (Novolino)</u>		<u>Роданово (Rodalovo)</u>
<u>Пьяноборская (Pyanobor)</u>	<u>Поломская (Polom)</u>	<u>Еманавская, Кочиринская (Emanavo, Kochirino)</u>	<u>Чепецкая (Serpa)</u>
<u>Ломоватовская (Lomovotovo)</u>	<u>Васмулинская (Vashmutino)</u>		

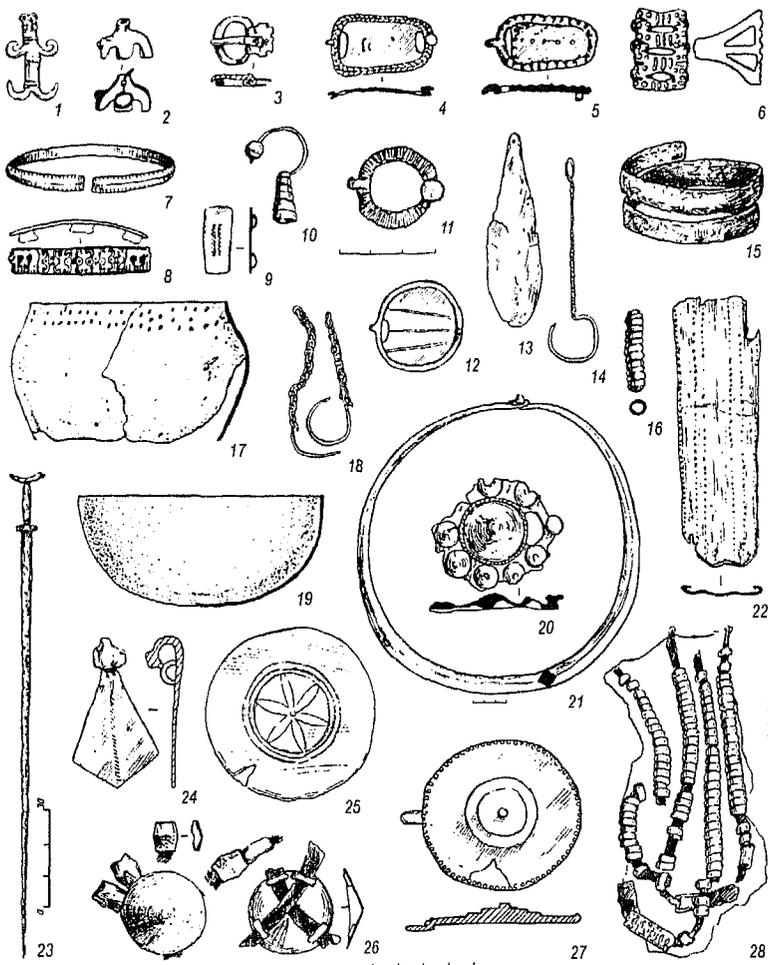
1. Карта-схема распространения археологических культур Приуралья эпохи железа

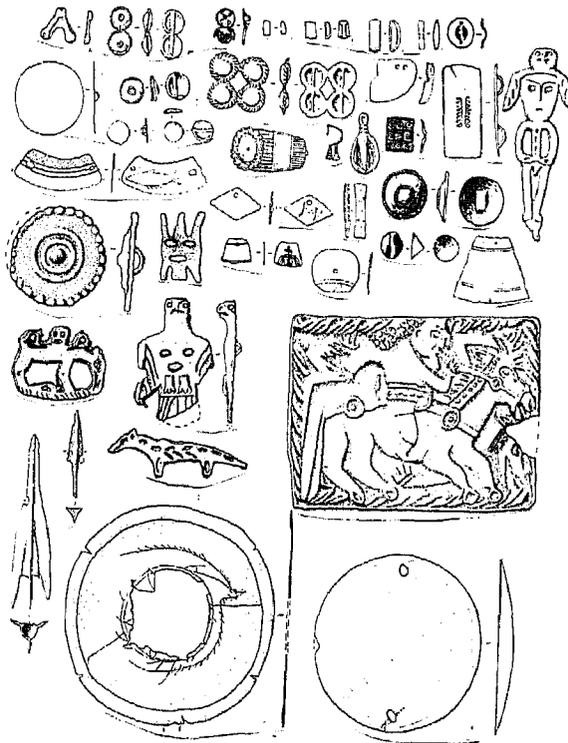
2. Инвентарь памятников ананьинской общности на Европейском Северо-Востоке (VIII-III вв. до н.э.)

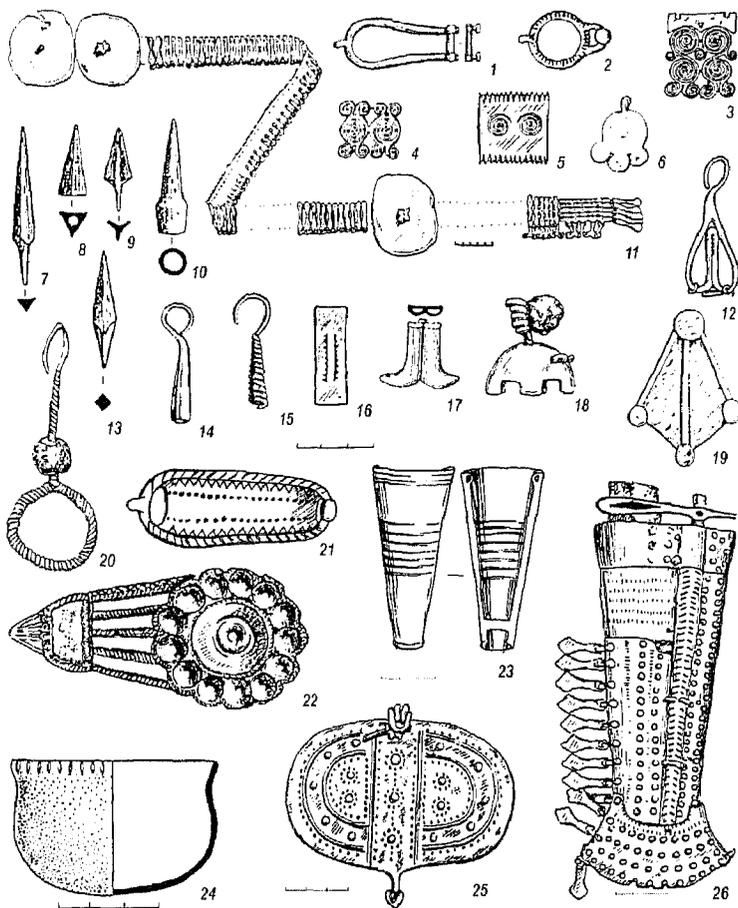
3. Инвентарь памятников ананьинской общности в Среднем Прикамье (VIII-III вв. до н.э.)

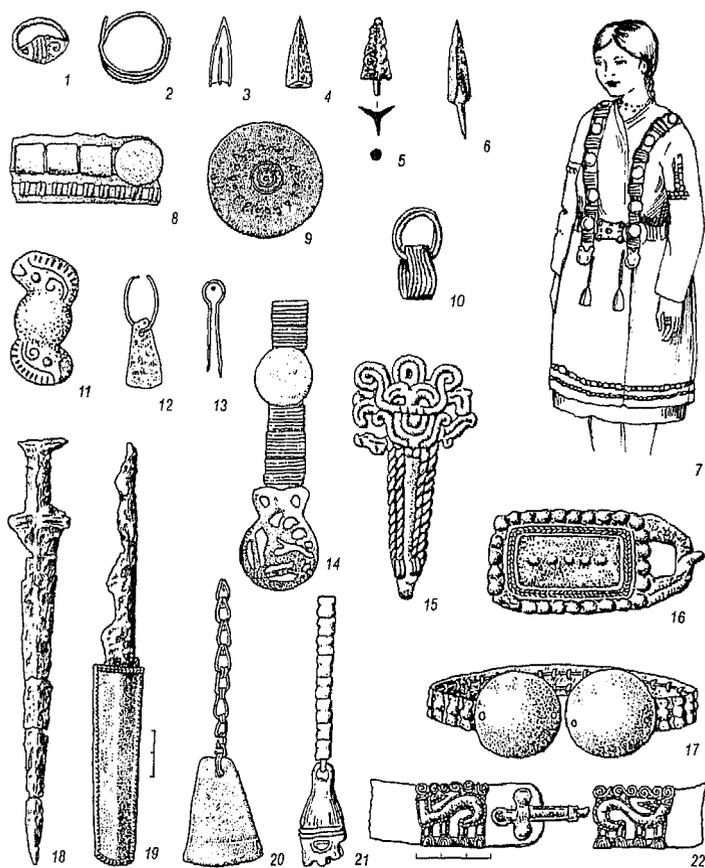
4. Инвентарь памятников среднекамского варианта пьяноборской общности (I-V вв. н.э.)

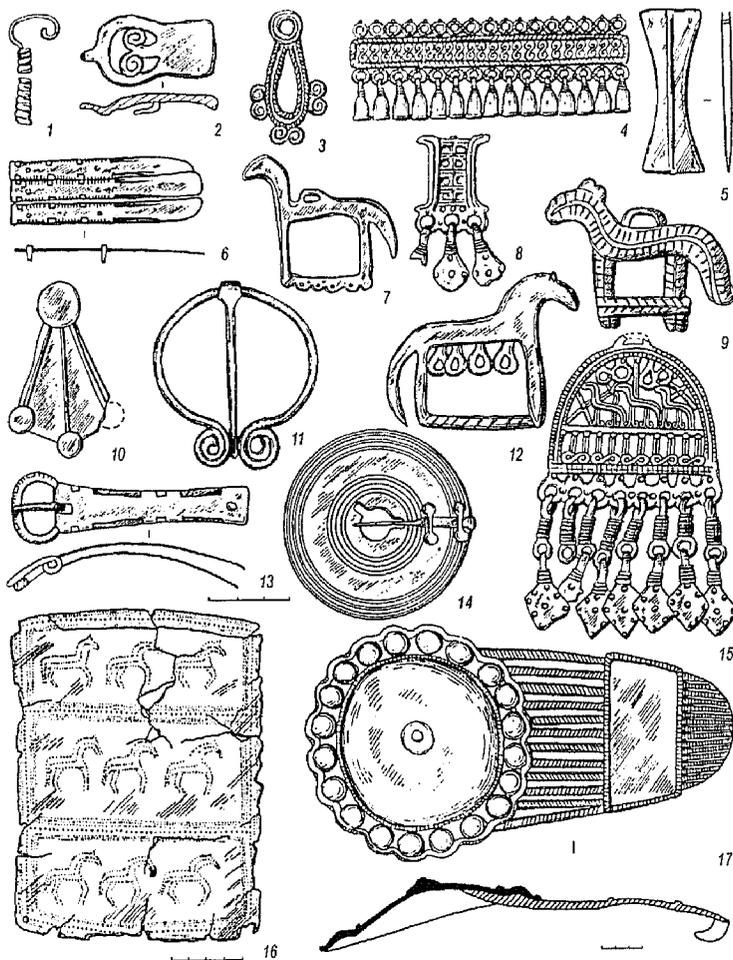
5. Инвентарь памятников гляденовской общности на Европейском Северо-Востоке (кю. III-II вв. до н.э. – IV-начало V в. н.э.)

6. Инвентарь памятников чегандинской культуры (II в. до н.э. – V в.н.э.)

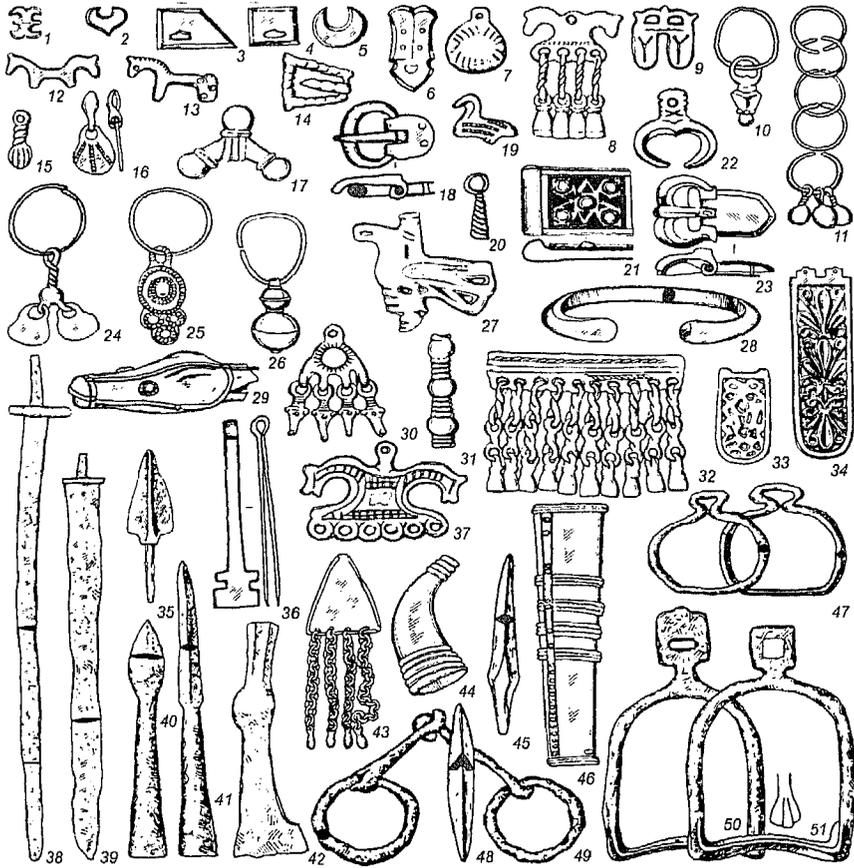
7. Инвентарь памятников карабахской культуры (III в. до н.э. – III в. н.э.)

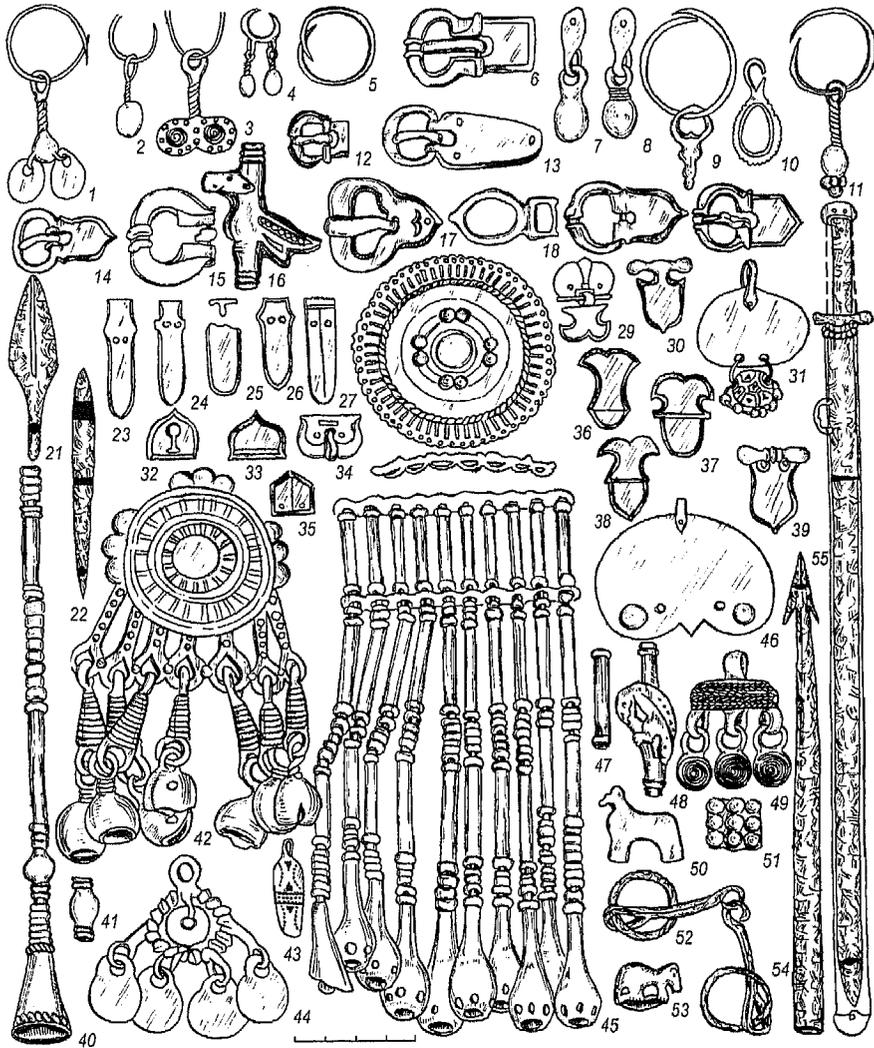
8. Инвентарь памятников худяковской культуры (I-IX вв. н.э.)

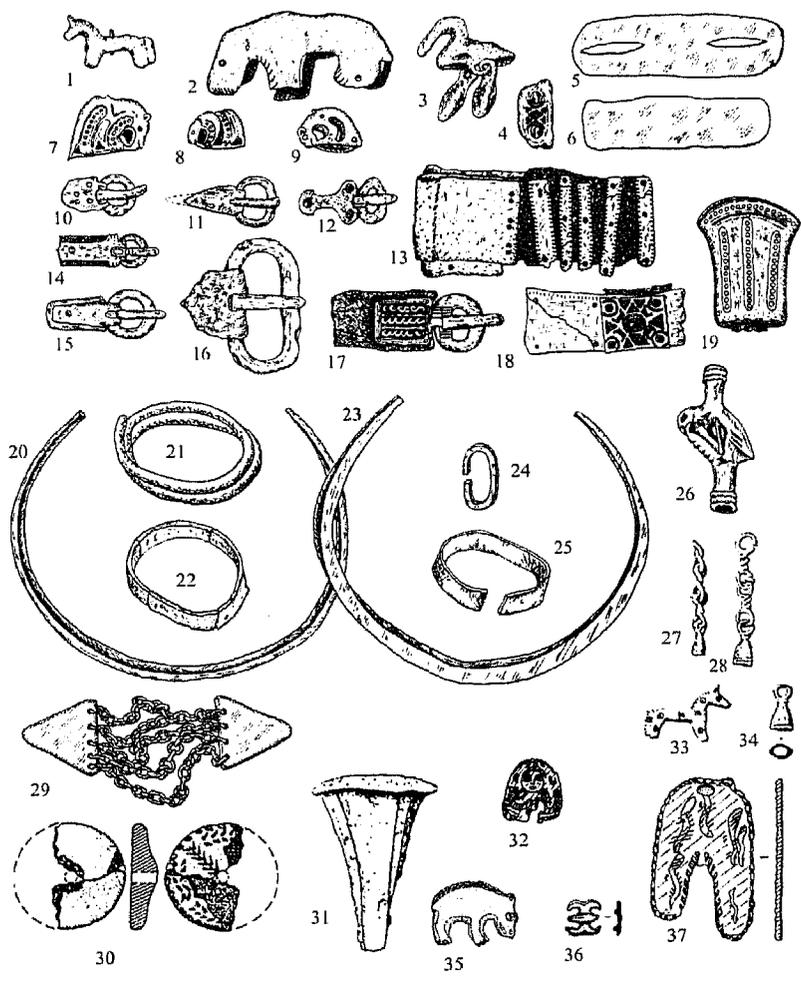
9. Инвентарь памятников ломоватовской культуры (V-IX вв.)

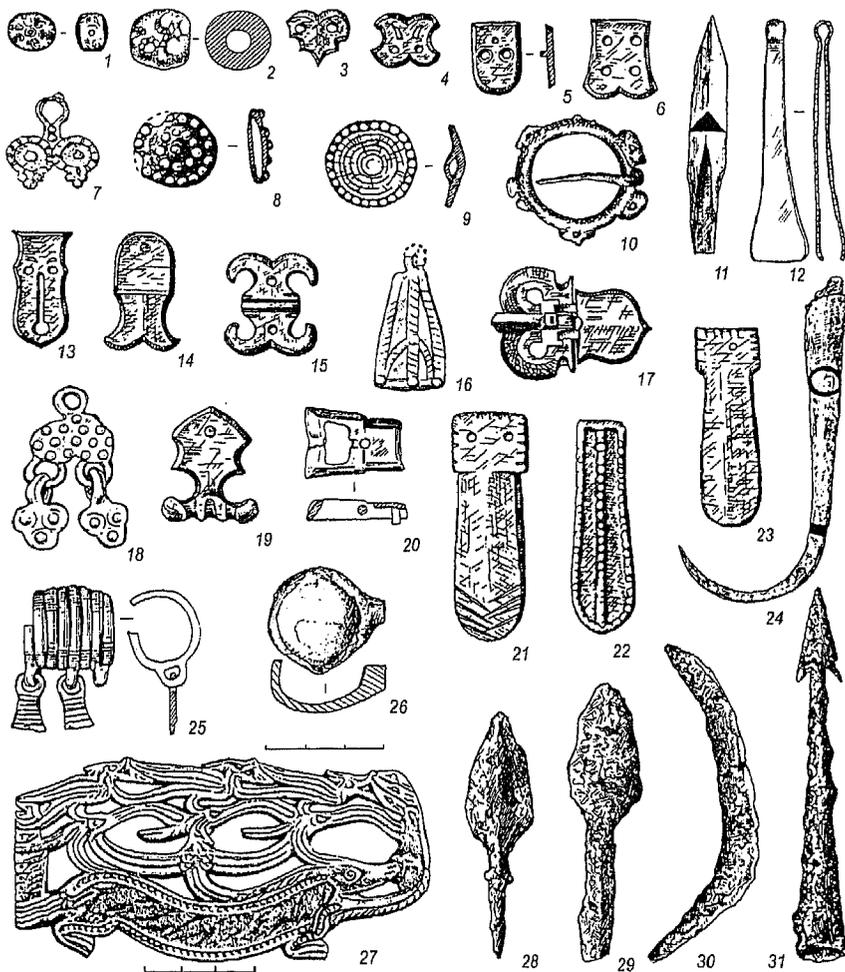
10. Инвентарь памятников неволинской культуры (к. IV-IX вв.)

11. Инвентарь памятников полемской культуры (V-IX вв.)

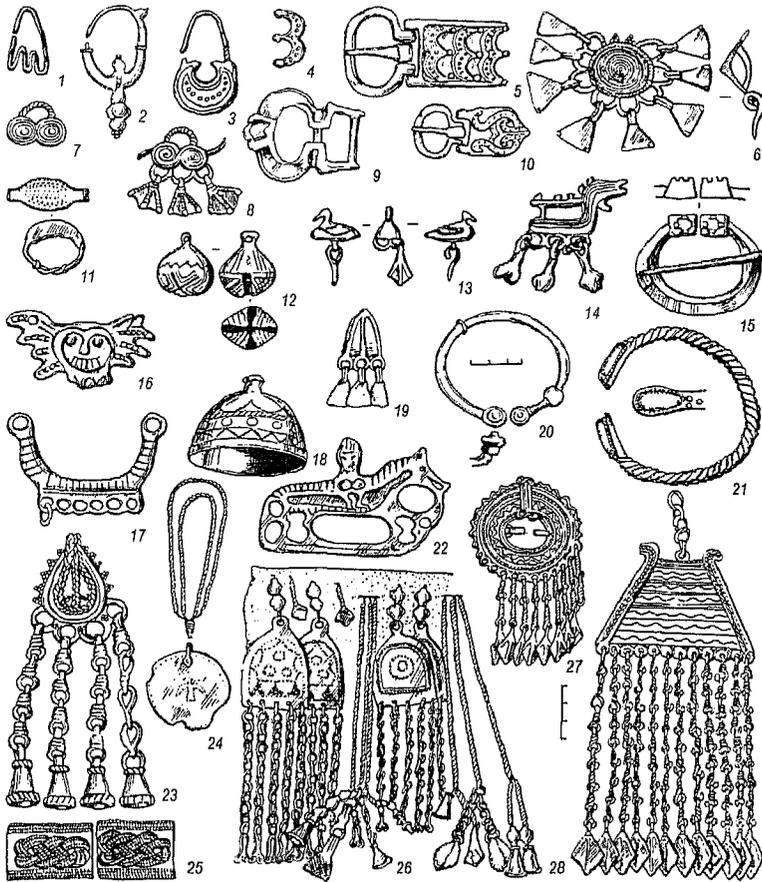
12. Инвентарь памятников ванвиздинской культуры (VI-X вв. н.э.)

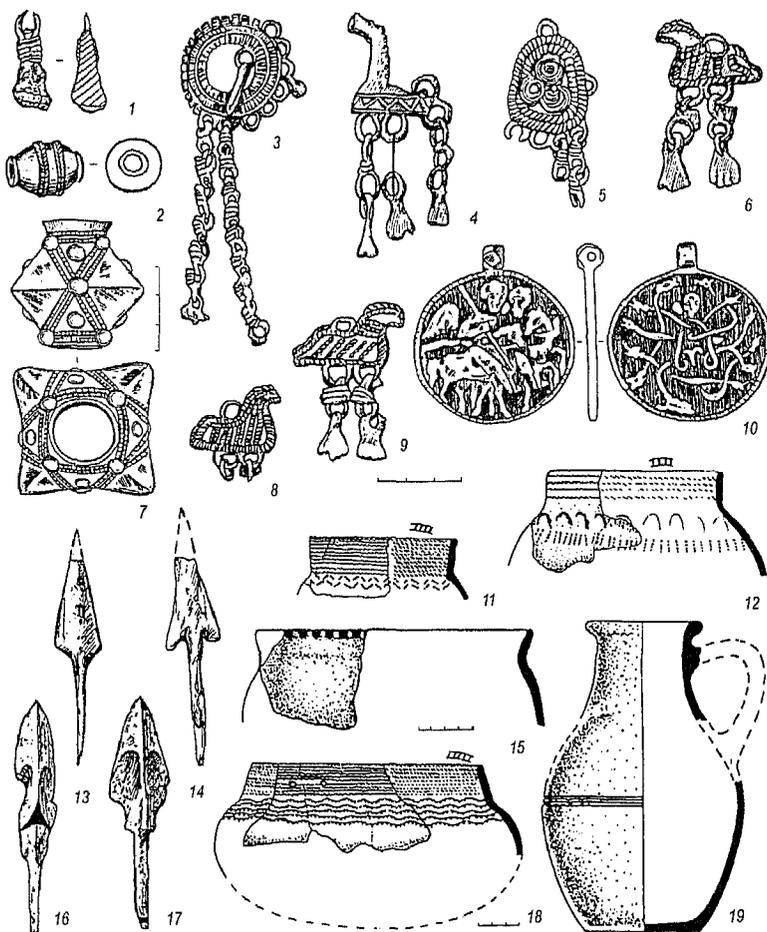
13. Инвентарь памятников верхнеутчанской культуры (VI-IX вв.)

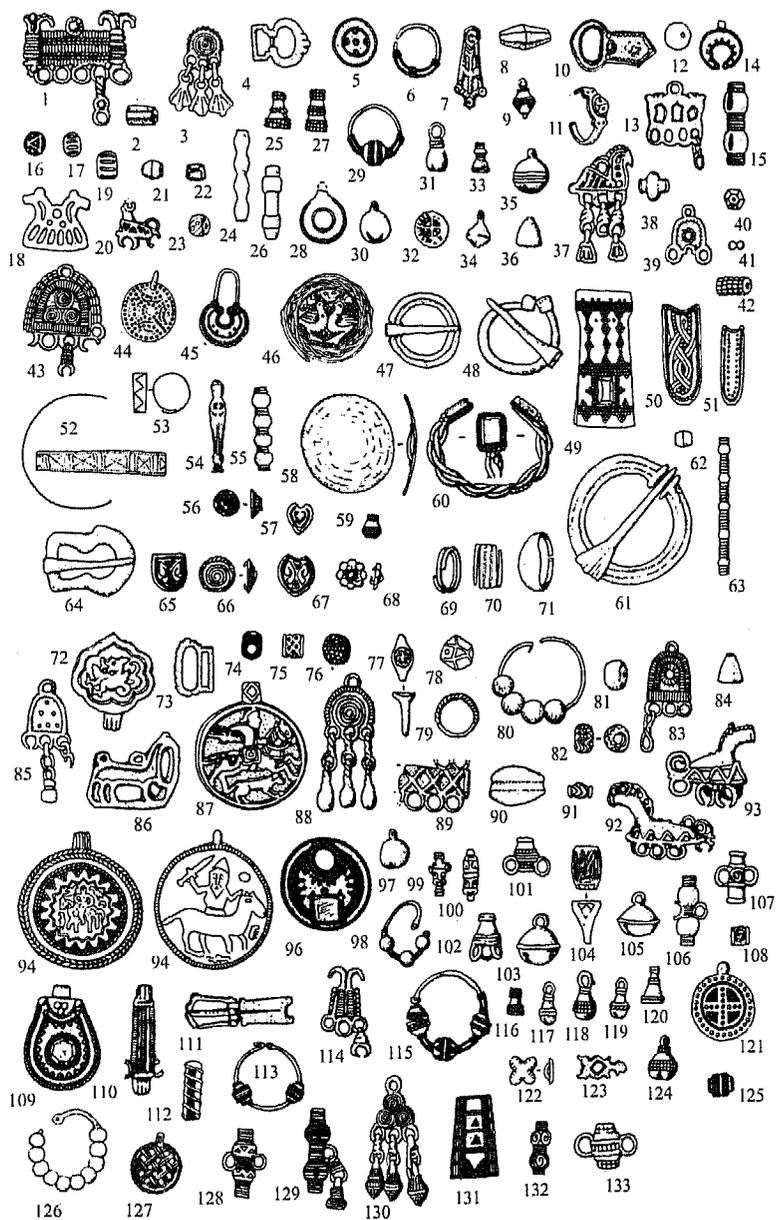
14. Инвентарь памятников еманаевской культуры (VI-IX вв.)

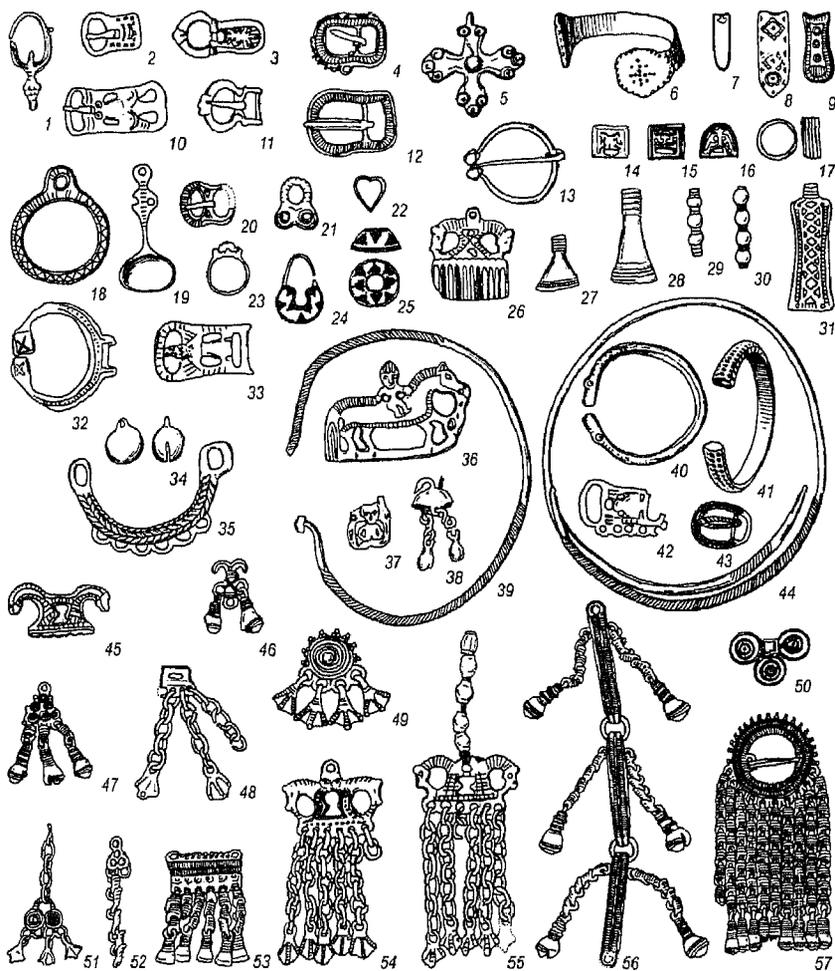
15. Инвентарь памятников кочергинской культуры (IX-XI вв.)

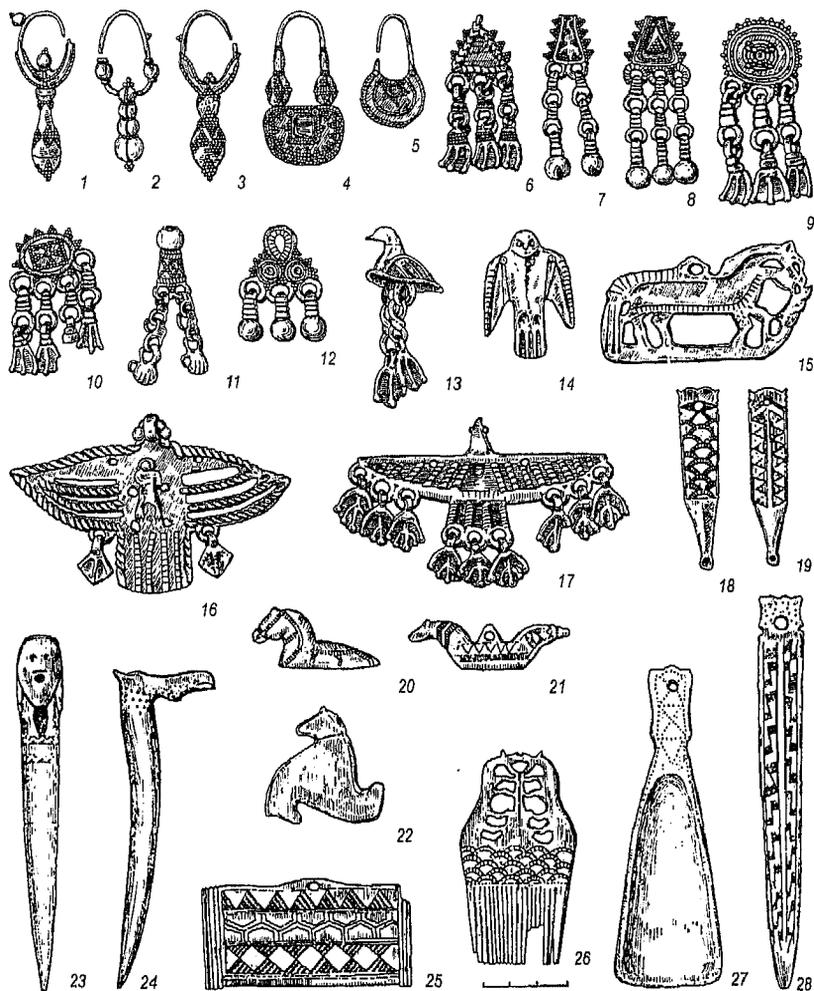
16. Инвентарь памятников чумойтлинской культуры (X-XIV вв.)

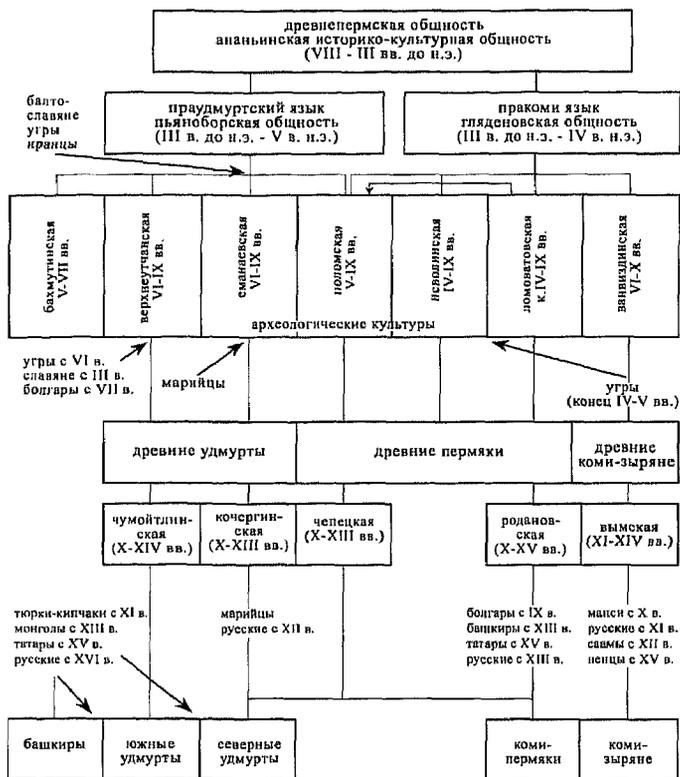
17. Инвентарь памятников выятской культуры (XI-XIV вв.)

18. Инвентарь памятников родановской культуры (X-XV вв.)

19. Инвентарь памятников чепецкой культуры (X-XIII вв.)

20. Соотношение схемы развития финно-пермской общности и археологических культур

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акимова, М.С. (1961): Антропологические данные по происхождению народов Волго-Камья // Вопросы антропологии. 1961. Вып.7.

Акимова, М.С. (1968): Антропология древнего населения Приуралья. М. 1968.

Аксянова, Г.А. / Аксянов, Е.А. (2000): Сравнительная статистическая оценка антропологического разнообразия финно-угров // Антропология современных финно-угорских народов. М. 2000: 165-266.

Ашихмина Л.И. Погребальный обряд могильника Борганьель. – Сыктывкар, 1988 (науч. докл. /Коми научный центр УрО АН СССР; Вып. 191).

Ашихмина, Л.И. / Васкул, И.О. (1997): Памятники ананьинской культурной общности // Археология Республики Коми. М. 1997.

Бадер, О.Н. / Оборин, В.А.: На заре истории Прикамья. Пермь. 1958.

Баталова, Р.М. (1975): Коми-пермяцкая диалектология. М. 1975.

Белых, С.К. (2009): Проблема распада прапермской этноязыковой общности. Ижевск. 2009.

Буров Г.М. Вычегодский край. – М.:Наука 1965.

Буров Г.М. Древний Синдор. – М. : Наука 1967.

Васкул, И.О. (1997): Памятники гляденовской культурной общности // Археология Республики Коми. Сыктывкар. 1997.

Генинг, В.Ф. (1959а): Осинское городище // ОКВАЭ. Пермь. 1959а. Вып.1.

Генинг, В.Ф. (1961): Проблемы изучения железного века Урала // ВАУ. Свердловск. 1961. Вып.1.

Генинг, В.Ф. (1988): Этническая история Западного Приуралья на рубеже н.э. М. 1988.

Генинг, В.Ф. / Голдина, Р.Д. (1973): Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // ВАУ. Свердловск. 1973. Вып.12.

Голдина, Р.Д. (1987): Погребальный обряд Худяковского могильника // Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья. Йошкар-Ола. 1987.

Голдина, Р.Д. (1987): Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов. 1987: 6-36.

Голдина, Р.Д. (1989): Этническая история пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. Т.1. М.: Наука. 1989: 24-26.

Голдина, Р.Д. (1995): О датировке поломской культуры // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск. 1995.

Голдина, Р.Д. (1999): Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск. 1999.

Голдина, Р.Д. / Кананин, В.А. (1989): Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск. 1989.

Ефимова, С.Г. (1991): Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М. 1991.

Иванов, А.Г. (1991): Проблемы изучения этнокультурных связей северных удмуртов в эпоху средневековья // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск. 1991.

Иванова, М.Г. (1979б): Памятники чепецкой культуры (Материалы к археологической карте) // Северные удмурты в начале II тысячелетия н.э. Ижевск. 1979б.

Иванова, М.Г. (1982б): Качкашурское селище // Средневековые памятники бассейна р.Чепцы. Ижевск. 1982б.

Иванова, М.Г. (1985): Городище Иднакар (результаты исследований 1975-1977 гг.) // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов. 1985.

Иванова, М.Г. (1988): Иднакар. Ижевск. 1988.

Иванова, М.Г. (1990): Этнокультурные связи северных удмуртов в эпоху средневековья // Взаимодействие древних культур Урала. Пермь. 1990.

Иванова, М.Г. (1992): Погребальные памятники северных удмуртов в IX-XIII вв. Ижевск. 1992.

Иванова, М.Г. (1995): Городище Иднакар IX-XIII вв.: материалы исследований территории между валами (1989-1992 гг.) // Материалы исследований городища Иднакар IX-XIII вв. Ижевск. 1995.

Иванова, М.Г. (1996): Удмурты в эпоху средневековья (по материалам бассейна р.Чепцы конца I - начала II тыс. н.э.). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М. 1996.

Истомина Т.В. Вотчинский могильник (1999): // Этнокультурные процессы в древности на европейском Северо-Востоке. – Сыктывкар 1999: 76-102(МАЕСВ; Вып. 16).

Казанцева, О.А. / Ютина, Т.К. (1986): Керамика кушнаренковского типа Благодатского I городища // Приуралье в древности и средние века. Устинов. 1986.

Канивец В.И. (1974) :Печорское Приполярье. Эпоха раннего металла. – М.:Наука.

Коренюк, С.Н. / Мельничук, А.Ф. (2006): Особенности погребального обряда населения среднего Приуралья на грани раннего железного века и раннего средневековья (III-V вв.) // Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов. Ижевск. 2006.

Королев, К.С. (1985): Погребальный обряд населения Средней Вычегды в эпоху раннего железа и средневековья // Проблемы этногенеза народа коми / Тр. ИЯЛИ. Вып.36. Сыктывкар. 1985: 35-44.

Королев, К.С. / Савельева, Э.А. (1988): Генезис средневековых культур бассейна Вычегды (II пол. I тыс. н.э. – начало II тыс. н.э.). Сыктывкар. 1988 (Науч. докл./Коми науч. центр УрО РАН АН СССР; Вып. 192).

Кузьминых, С.В. (1983): Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М. 1983.

Лашук, Л.П. (1972): Формирование народности коми. М.: Изд-во МГУ. 1972.

Лыткин, В.И. (1953): Из истории словарного состава пермских языков // Вопросы языкознания. 1953. №5.

Макаров, Л.Д. (1991): Формирование территории Вятской земли в XII-XVII вв. // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск. 1991.

Макаров, Л.Д. (1993): Об особенностях славяно-финских контактов в XII-XVI вв. на территории Вятского края // Историческое познание: традиции и новации. Ч.1. Ижевск. 1993.

Макаров, Л.Д. (1995): Славяно-русское заселение бассейна р.Вятки и исторические судьбы удмуртов Вятской земли в XII-XVI вв. // Материалы по истории Удмуртии. Ижевск. 1995.

Макаров, Л.Д. (1996): Язычество и христианство в духовной жизни населения Камско-Вятского междуречья в период развитого и позднего средневековья // Финно-угроведение. №2. Йошкар-Ола. 1996.

Макаров, Л.Д. (2001): Древнерусское население Прикамья в X-XV вв. Ижевск. 2001.

Макаров, Л.Д. (2001a): Ремесленные мастерские Вятской земли XII-XVII вв. // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск. 2001a.

Макаров, Л.Д. (2003): Вольный характер. Русские поселения на реке Вятке // Родина. №12. 2003.

Марк, К. (2000): Антропология пермских финнов в связи с вопросами этногенеза // Антропология современных финно-угорских народов. М. 2000: 153-164.

Матвеев, А.К. (1960): Историко-этимологические разыскания // Уч. зап. Уральск. ун-та. Вып.36. Языкознание. Свердловск. 1960.

Матвеев, А.К. (1968): Пермские элементы в субстратной топонимике Русского Севера // Советское финно-угроведение. IV. 1968: 27-37.

Матвеев, А.К. (1969): Топонимические этимологии // Советское финно-угроведение. №4. 1969: 299-304.

Матвеев, А.К. (1984): Еще об этимологии этнонима *зырянин* // Этимологические исследования. Свердловск. 1984

Матвеев, А.К. (2001): Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. I. Екатеринбург. 2001.

Матвеев, А.К. (2004): Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. II. Екатеринбург. 2004.

Моисеев, В.Г. (1999): Происхождение уралоязычных народов по данным краниологии. СПб: Наука. 1999.

Напольских, В.В. (1996): Протославяне в Нижнем Прикамье в середине I тысячелетия н.э.: данные пермских языков // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар. 1996.

Напольских, В.В. (1997): Введение в историческую уралистику. Ижевск. 1997.

Насибуллин, Р.Ш. (1992): Булгаризмы и их отношение к вопросу о времени распада общепермской общности // Вордском Кыл. №2. Ижевск. 1992.

Оборин, В.А. (1961): Больше-Никольское I городище // ОКВАЭ. М. 1961. Вып.2.

Оборин, В.А. (1969): Культурные связи племен Верхнего Прикамья с племенами северо-востока Европы в эпоху железа // Древности Восточной Европы / МИА. №169. М. 1969: 156-166.

Оборин, В.А. (1990): Заселение и освоение Урала в конце XI - начале XVII века. Иркутск. 1990.

Основы финно-угорского языкознания (1976): Марийский, пермские и угорские языки. М. 1976.

Пастушенко, И.Ю. (1995): История населения бассейна р.Сылвы в первой половине II тысячелетия н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1995.

Поляков, Ю.А. (1967): Итоги изучения памятников гляденовской культуры в Верхнем и Среднем Прикамье // УЗ ПГУ. №148. Пермь. 1967.

Поляков, Ю.А. (1980): Гляденовская культура в Среднем и Верхнем Прикамье (III в. до н.э. – середина VI в. н.э.); Авторф. дис. ... канд. ист. наук. М. 1980.

Пшеничнюк, А.Х. (1973): Кара-абызская культура (население Центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т.V. Уфа. 1973.

Савельева, Э.А. (1971): Пермь вычегодская. М.: Наука. 1971.

Савельева, Э.А. Вымские могильники XI – XIV вв. Л. 1987.

Савельева, Э.А. (1993): Начальный этап древнерусской колонизации Европейского Северо-Востока // Историческое познание: традиции и новации. Ч.1. Ижевск. 1993.

Савельева Э.А. Население бассейна Вычегды в эпоху средневековья (XI–XIV вв.) // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко – культурного наследия Евразии. – Ижевск, 2008, с. 108-112.

Серебренников, Б.А. (1966): О гидронимических формантах - нъга, - юга, - уга и – юг // Советское финно-угроведение. 1966. №1.

Смирнов, А.П. (1928): Ванвиздинская дюнная стоянка. // ТСАРАНИОН. 1928. Вып.IV. М.

Спицын А.А. (1988): К истории вятских инородцев // Календарь Вятской губернии на 1889 г. Вятка.1888.

Талицкий, М.В. (1941): К этногенезу коми // КСИИМК. Вып.IX. 1941.

Теплоухов, А.Ф. (1924): Следы бывшего пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний и последующая смена его пермским и русским народами // Записки Уральского Общества любителей естествознания. Вып.39. Свердловск. 1924.

Теплоухов, Ф.А. (1893): Древности пермской чуди в виде баснословных людей и животных // Пермский край. Т.II. Пермь. 1893.

Хайду, П. (1985): Уральские языки и народы. М. 1985.

Халиков, А.Х. (1985): Проблемы этногенеза пермских финнов: Доклад на VI международном конгрессе финно-угроведов. Сыктывкар, Казань. 1985.

Хартанович, В.И. (1991): Новые материалы к краниологии коми-зырян // Сб. МАЭ. Т.44. 1991: 108-126.

Хаузенберг, А.-Р. (2002): Рецензия на монографию Bartens R. Permilfisten kielten rakenne ja kehitys. Helsinki 2000 (MSFOu 238) // *Linguistica uralica*, XXXVIII. 2002. 4.

Хелимский, Е.А. (1982): Древнейшие венгерско-саодийские языковые параллели. М. 1982.

Чебоксаров, Н.Н. (1946): Этногенез коми по данным антропологии // Советская этнография. №2. 1946.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской Академии наук

КСИА – Краткие сообщения Института археологии

КФАН СССР – Казанский филиал Академии наук СССР

МАЕСВ – Материалы по археологии Европейского Северо-Востока

МАЭ – Музей антропологии и этнографии

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

МКФУ – Международная конференция финно-угроведов

УАС – Уральское археологическое совещание

ТСАРАНИОН – Труды секции археологии Российской ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук

CIFU – *Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum*